

МОСКОВСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ
ИМ. М.В. ЛОМОНОСОВА
кафедра теории литературы филологического факультета

**РУССКИЕ ЛИТЕРАТУРОВЕДЫ
XX ВЕКА**

ПРОСПЕКТ СЛОВАРЯ

Издательство «Перо»
Москва 2010

ББК 83.3(2Рос=Рус)6

К 49

Авторы-разработчики:

Доктор филологических наук, профессор,
заведующий кафедрой теории литературы
филологического факультета Московского государственного
университета им. М.В. Ломоносова,
Олег Алексеевич Клинг

кандидат филологических наук, преподаватель кафедры теории
литературы филологического факультета Московского
государственного университета им. М.В. Ломоносова
Алексей Александрович Холиков

К 49   Русские литературоведы XX века: Проспект словаря/ Клинг О.А.,
Холиков А.А. – М.: Издательство «Перо», 2010. - 85 с.

ISBN 978-5-91940-014-1

Настоящий проспект словаря русских литературоведов XX века содержит редакторскую статью (О.А. Клинг), обоснование актуальности и основных теоретико-методологических принципов издания (А.А. Холиков), словник (А.А. Холиков, при участии В.И. Масловского), примеры словарных статей (В.Е. Хализев – о *Скафтымове А.П.*, Е.И. Орлова – об *Эйхенбауме Б.М.*, Е.Ю. Литвин – о *Гершензоне М.О.*), а также – памятку авторам словаря (А.А. Холиков).

Цель проспекта – выделить из широкого спектра литературоведческой проблематики и вынести на обсуждение вопросы, касающиеся разработки словаря «Русские литературоведы XX века».

ББК 83.3(2Рос=Рус)6

© Клинг О.А., 2010

© Холиков А.А, 2010

ISBN 978-5-91940-014-1

РУССКОЕ ЛИТЕРАТУРОВЕДЕНИЕ XX ВЕКА: ИСТОРИЯ В ЛИЦАХ

От редактора

Читателям предлагается проспект нового словаря – «Русские литературоведы XX века». В чем же его новизна?

Он первый в *таком* роде. До этого в России выходили словари русских писателей¹, общие² и литературные энциклопедии³, справочные издания⁴ в жанре «Кто есть кто», где были статьи лишь о некоторых, самых знаменитых литературоведах либо прозаиках и поэтах, которые наряду с художественным творчеством занимались по большей части критикой, реже – наукой о слове. Теперь наступила пора сконцентрировать внимание исследователей на самих литературоведах.

Словарь будет состоять из 1023 статей, по крайней мере, словник, публикуемый в данном проспекте (составитель А.А. Холиков), на данном этапе включает в себя столько имен. Список этот после обсуждения с научной общественностью в ходе интернет-конференции (сентябрь – ноябрь 2010 года), можно предположить, будет несколько изменен. Однако в основу отбора имен положен довольно простой, но, вероятно, единственно возможный для достижения объективности принцип: в словник включены имена только ушедших из жизни литературоведов.

В словник входят также литературоведы русского зарубежья. Сегодня уже никому не надо доказывать, что отечественная наука не делится по границам. Мы все были свидетелями, как в недавно закончившемся XX веке они менялись, но границы культурного пространства не так быстро упраздняются, в отличие от политических.

Словарь «Русские литературоведы XX века» – это открытый проект, участие в котором принимают не только ученые кафедры

---

¹ Русские писатели. 1800—1917. Биографический словарь. Т. 1 – 5. М., 1989 – 2007 (издание продолжается); Русские писатели XX века. Биографический словарь. М., 2000 и др.

² Новый энциклопедический словарь. М., 2000 и др.

³ Литературная энциклопедия: В 11 т. [М.], 1929 – 1939; Краткая литературная энциклопедия: В 9 т. М., 1962 – 1978.

⁴ Чупринин С. Новая Россия: мир литературы. Энциклопедический словарь-справочник: В 2 т. М., 2003; Огрызко В.В. Русские писатели: современная эпоха. Лексикон: Эскиз будущей энциклопедии. М., 2004; Кто есть кто в русском литературоведении. Справочник. [В 3 ч.] М., 1991 – 1994.

теории литературы, других кафедр филологического факультета МГУ имени М.В. Ломоносова, но и авторы из учебных и научных центров России и мира.

В своей совокупности свыше 1000 словарных статей о русских литературоведах по-новому высветят теоретико- и историко-литературную картину России XX века. Может, однако, возникнуть вопрос: а при чем здесь теория литературы? Во-первых, словарь задуман на кафедре теории литературы филологического факультета Московского университета. А одно из направлений в научной деятельности кафедры – история литературоведения.

К сожалению, в последние годы в российской науке в изучении истории литературоведения ощутил некоторый пробел. Последним существенным достижением, правда, в рамках изучения эстетической мысли одной эпохи – 1920 – 1930-х годов, – стало второе, значительно дополненное издание книги выдающего ученого XX века Г.А. Белой «Дон Кихоты революции – опыт побед и поражений» (М., 2004). Рядом стоит еще один проект, осуществленный под руководством Г.А. Белой, – двухтомная антология «Опыт неосознанного поражения: Модели революционной культуры 20-х годов. Хрестоматия» (М., 2001); «Эстетическое самосознание русской культуры. 20-е годы XX века: Антология» (М., 2003).

Серьезному, академическому изучению истории русского литературоведения необходимо дать новый толчок. Им и должно стать создание сначала проспекта, а затем и самого словаря «Русские литературоведы XX века». Через осмысление наследия отечественных ученых, особенностей их путей в науке, достижений и пристрастий, школ, направлений и концепций, которые были им близки, и будет создана более масштабная, полная и в то же время предельно детализированная картина литературоведческих искания ушедшего столетия. Не отдавая предпочтения тому или иному ученому-филологу, какой-либо одной или нескольким школам, идеям в науке, авторский коллектив во главу угла ставит цель – показать во всем своем многообразии богатство такого уникального явления, как русское литературоведение XX века. А это существенно расширит наше представление о научных, в том числе теоретических открытиях в области литературоведения. И не только в его победах, но и нередко случавшихся поражениях.

Задуманный проект имеет отношение к теории литературы в еще одном аспекте. Конечно, для современной теоретической мысли крайне важно провести ревизию терминологического аппарата, а

порой просто обновить его. Но в условиях множественности подходов к тексту в современном литературоведении, отсутствия явно выраженного лидерства какой-либо одной школы или концепции, определенной стагнации, когда относительно давно не появляется убедительно, ярко выраженное новое направление в науке о слове и в ней существует некий паритет (крупные филологи обращаются к разным методам), толкование в сто первый раз значения терминов «род», «жанр», «автор», «мотив» и др., а тем более в духе нормативности *похлеще*, чем у Н. Буало, не является единственно возможным способом существования теории литературы. Через «персоналии» – в статьях о больших, «средних» и не очень известных ученых – произойдет осмысление новейших достижений теоретической мысли, которые не укладываются в понятия школьного литературоведения. История науки о литературе «в лицах» на данном этапе теоретической мысли кажется нам перспективной еще и потому, что ученые – и такие, как Ю.Н. Тынянов, Б.М. Эйхенбаум, имена которых тесно связаны с формальной школой, и такие, как Ю.М. Лотман, З.Г. Минц, кто стоял у истоков советского структурализма, многие-многие другие, кого традиция жестко привязывает к той или иной научной школе, – на самом деле были литературоведами *синтетического* толка, вобрав в себя все многообразие подходов к изучению литературы. Тем самым словарь «Русские литературоведы XX века» высветит историю отечественного литературоведения, в том числе теоретической мысли, «поверх барьеров».

Словарь русских литературоведов – масштабный проект, так как он должен отразить все многообразие такого сложного и чрезвычайно значимого явления, как отечественная наука о слове. В истории русского литературоведения XX век занял особое место. Это эпоха невероятных взлетов, достижений и открытий, ярких побед, но и, надо признаться, весьма поучительных поражений. Русское литературоведение, по отношению к Европе относительно поздно, лишь в XIX веке, сложившееся как наука, в веке XX обрело новое дыхание. Для русской науки о словесности XIX век тоже и по-своему уникален: именно тогда вслед за европейскими сложились литературоведческие школы в России. Конечно, литературоведение, как и другие, не только гуманитарные, но и естественные дисциплины, шло вслед за европейскими исканиями. Русское литературоведение, как и русская литература, было ученическим. Но произошло, можно сказать, непредсказуемое, а на самом деле

закономерное явление (хотя его можно именовать и чудом). Русская литература, долгое время подражательная, превратилась в ни на что не похожее явление. Позже это назовут золотым веком русской литературы. Но для того чтобы понять природу этих художественных явлений, литературоведческая (в том числе и критическая) мысль должна была, поднявшись над самой собой, преодолев многие препятствия (например, еще не до конца сложился понятийный, терминологический аппарат), встать вровень с самой литературой. Во многих случаях, когда речь шла о больших писателях, это сделать было нетрудно. А.С.Пушкин и Н.В.Гоголь, потом Л.Н. Толстой и Ф.М. Достоевский, многие другие мастерски, виртуозно справлялись с работой по осмыслению собственных и чужих литературных произведений. Достаточно вспомнить, как Пушкин в письмах, статьях и рецензиях, заметках, в том числе в жанре антикритики, отзывался о своих произведениях и о литературных новинках. Так, задолго до устоявшегося деления эволюции русской литературы на периоды и задолго до становления термина «реализм» Пушкин в анонимной рецензии 1830 года на альманахах «Денница» выделил три периода. Во главе первого поставил Карамзина, второго – Жуковского, третьего – Пушкина – «поэта действительности»⁵. Во всех позднейших определениях слова «реализм» стала обязательной и почти исчерпывающей категория «*действительность*». Не случайно позднее Л.Я. Гинзбург в книге «О лирике» (1964) главу о позднем Пушкине так и назовет «Поэзия действительности». Ну, а уже дальнейшие «дефиниции» типа «критическое изображение действительности» на совести века XX. Тогда с легкой руки М. Горького и официальных советских ученых появилось понятие «критический реализм», ныне почти забытое, но от которого один шаг до реализма социалистического.

Было бы ошибочно полагать, что становление в России литературоведения как науки – это сплошной эволюционный рост от одной литературоведческой школы к другой (к примеру, биографической или мифологической через культурно-историческую А.Н. Пыпина в духе И. Тэна к сравнительно-исторической или психологической). В суждениях Пушкина о себе и литературе в свернутом виде (Пушкин краток и емок не только в своей

---

⁵ А.С. Пушкин-критик. М., 1978. С. 220. В том же 1830 году Пушкин писал в незавершенной заметке: «Литература у нас существует, но критики еще нет» (С. 205).

художественной прозе, но и критике) – программа, своеобразный код будущего в развитии литературы и литературоведения не только для XIX, XX, но и последующих веков. В кризисные эпохи этот код нечитаем, он как бы стирается.

Так было в XX веке. В плане истории и тесно связанной с ней литературы (а также литературоведения) он на значительных своих временных отрезках был «железный»⁶, «век-волкодав» (О. Мандельштам). В период, который условно можно назвать советской эпохой, написаны горы сегодня забытых литературоведческих работ. У литературоведения в принципе, увы, короткий век: оно умирает быстрее даже самой «плохой» литературы. Остается только вершинное (самый яркий пример из XX века – М.М. Бахтин). Факты из истории литературы переписываются на свой манер и в приспособлении для своих целей учеными следующих поколений, а идеи, если они актуальны, живут в свободном движении – без авторства, время от времени обретая временный «ярлык» с именем того или иного литературоведа. Официальное же советское литературоведение опочило раньше своей физической смерти – раз и навсегда. С той самой силой, с какой оно подавляло существовавшие в самые темные десятилетия и пробивавшиеся как трава через асфальт (выражение Г.А. Белой) яркие творения неангажированных ученых (уже назывались имена М.М. Бахтина, Л.Я. Гинзбург, Ю.М. Лотмана, этот ряд можно продолжить), время вытеснило из научного бытия скукожившееся до почти незримой малости «наследие» официозного литературоведения. Сегодня к нему обращаются лишь при изучении творчества советских писателей, к примеру, В.С. Гроссмана в оценке прижизненной критики.

Но не следует сводить представление о «советском» литературоведении только к одному ее пласту – официозному. О том же В.С. Гроссмане замечательно писал в 1970 году А.Г. Бочаров. Советское литературоведение – это многоуровневое, сложное явление, с разными этажами, переходами, порой самыми неожиданными. Особое место в филологии занимали «старшие» – В.М. Жирмунский, Б.М. Эйхенбаум, др. Рядом – Г.А. Гуковский, Д.Е. Максимов, хотя и забытые, но активно работающие в провинции М.М. Бахтин, Б.О. Корман, Я.О. Зунделович, многие др. Наконец, в 1960-е годы в науку приходят люди, которые вскоре обрели мировую известность:

---

⁶ Его следует отличать от понятия «железный век» в истории первобытного человека.

Ю.М. Лотман, З.Г. Минц, С.С. Аверинцев, М.Л. Гаспаров, некоторые др. Нельзя не сказать о поколении ярких молодых ученых (начало их деятельности – еще «советские» 1970 – 1980-е годы), рано ушедших из жизни (А.Б. Есин, А.М. Песков, М.И. Шапир). Так что совершенно неправомерно, говоря о советском периоде литературоведения, всех мазать одной краской. Высказывались же суждения (на мой взгляд, не совсем правомерные), что А.Д. Сиявский в своих подцензурных статьях вполне укладывался в парадигму советского литературоведения. Закономерно предположить, что в работах М.Б. Храпченко, Я.Е. Эльсберга и А.И. Метченко можно что-то ценное найти и сегодня.

Задуманный словарь как раз вычертит через судьбы конкретных ученых непростые, порой окольные, тупиковые пути отечественной науки. Как это ни парадоксально, но в советскую эпоху нередко литературоведение и критика были интереснее самой литературы. Литературоведческие работы читались как бестселлеры: яркий пример – книга А.В. Белинкова «Юрий Тынянов» или «Поэтика византийской литературы» С.С. Аверинцева, работы Ю.М. Лотмана и Ученые записки Тартуского университета. Советское литературоведение – далеко не все, а в лучших своих проявлениях – было формой бытования инакомыслия. В подтексте статей о литературе вдумчивый читатель находил разговор о наболевших проблемах современности. Так, вступительная статья М.Л. Гаспарова к «Скорбным элегиям» Овидия Назона в серии «Литературные памятники» (М., 1978) на фоне реалий правления Л.И. Брежнева заставляла сопоставлять Рим эпохи упадка и Москву эпохи застоя. Научный комментарий, к примеру, к томам «Литературного наследства», набранный мелким шрифтом, нередко тоже давал тот поток свободы, которого все так ждали.

Особый статус был у жанра рецензии. То ли из-за своей периферийности (литературные генералы писали статьи), то ли по недосмотру цензуры и либеральности редакторов в них «разreshалось» чуточку больше. Журналы эпохи застоя, в том числе «Вопросы литературы», читались с конца – с раздела рецензий. Как раз словарь русских литературоведов должен показать все многообразие науки о слове в советскую эпоху, хочется повторить, несводимую к официозу.

Но, говоря о «железном» XX веке, не стоит забывать о других его периодах – хотя бы серебряном. Правда, возникает необходимость как-то назвать литературный период конца XX века – начиная с эпохи

горбачевской «гласности», перестройки. Конечно, он был подготовлен хрущевской «оттепелью», брежневским «застоем», когда были ослаблены некоторые идеологические «гайки», но для литературы и тесно связанного с ним литературоведения это был чрезвычайно значимый период, который, уж точно, не повторится никогда. То был последний по времени взлет (кто знает, не последний ли?) беспрецедентного интереса, не будет преувеличением сказать, народа к литературе и заодно к литературоведению. Не только художественные произведения, но и труды филологов были востребованы, издавались значительными тиражами. Вполне возможно, что с дистанции времени (не сейчас, а позже) конец XX – начала XXI веков в России назовут *платиновым*. В России не было за всю ее историю такой ситуации, когда литература и тесно связанное с ней литературоведение обрели после отмены цензуры свободу, были открыты идеологические шлюзы, и мощно хлынули потоки задержанной, потаенной – ее еще называют «пропущенной» – литературы, там- и самиздата, наконец, новейшей литературы 1980 – 1990-х годов, еще не до конца оцененной по своей художественной значимости. И это касается опять же не только литературы, но и литературоведения. Начался диалог отечественного литературоведения с западным. Веха здесь – выход под редакцией Г.К. Косикова книги: Барт Р. Избранные работы: Семиотика. Поэтика. М., 1989. Буквально за несколько лет русское литературоведение ассимилировало понятийный аппарат постструктурализма и других новейших школ: «дискурс», «интертекст», «архетип», «актор» и другие термины обрели «русский» контекст. Не менее впечатляющие явления: стремительное возрождение отечественного неофрейдизма (правда, нашумевшая статья живущего ныне на Западе И.П. Смирнова «Кастрационный комплекс у Пушкина» появилась в зарубежном издании), взлет неомифологической школы во главе с Е.М. Мелетинским, становление и, казалось, победа, но мнимая в русской литературе и литературоведении постмодернизма.

«Вернулись» литературоведы и критики русского серебряного века, ученые-филологи, репрессированные в сталинские годы, представители русского зарубежья. То была счастливая эпоха, во многом противоречивая (взять, к примеру, судьбы народов, их культур на постсоветском пространстве), но благодатная для словесности и науки о ней. Пишущий и читающий существовали почти в идиллической связке: публикация в журнале с миллионным тиражом – и наутро автор становится знаменитым. Идиллия, как

правило, обречена на печальный исход, но это – конец литературоцентричности в России – произошло потом. Тогда же литература и литературоведение совершили невиданный доселе скачок в своем развитии.

По-иному бытовало литературоведение в конце XX – начале XXI веков. Это время особое: литературоведческая мысль уже пережила существенное обновление, наступила пора спокойного ее течения. Мы на пороге нового статуса науки о слове (и самой литературы) в условиях, когда сосуществуют, и довольно мирно, самые разные школы. При этом у каждой из них свой круг авторов и свой круг читателей. Может быть, мы возвращаемся, но на новом витке, к синтетическому⁷ литературоведению, когда в диалоге разных школ и направлений произойдет познание неисчерпаемой сущности текста. На этот и многие другие вопросы даст ответы задуманный нами словарь «Русские литературоведы XX века».

О.А. Клинг

---

⁷ Выше отмечалось, что таковым по своей природе оно было у больших ученых XX века. Первая же попытка приближения к синтетическому литературоведению принадлежит русским символистам (В. Брюсов, Вяч. Иванов, особенно ярко это проявилось у Андрея Белого).

ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ ПРИНЦИПЫ РАЗРАБОТКИ СЛОВАРЯ РУССКИХ ЛИТЕРАТУРОВЕДОВ XX ВЕКА⁸

Научный интерес к жанру биографии литературоведа в нашей стране чрезвычайно низок по сравнению с жизнеописаниями не гуманитариев. Такова тенденция. Еще в советское время (для примера возьмем период с 1961 до 1974 года) в серии «Научно-биографическая литература» Академии наук СССР «жизни и деятельности ученых-энциклопедистов посвящено 7 книг, математиков – 15, физиков – 18, астрономов – 8, химиков – 30, биологов – 47, геологов – 10, географов – 16, медиков – 2, техников – 45»⁹. В большинстве случаев – завидные для филологов цифры.

Формы воплощения биографий ученых весьма разнообразны: от научных монографий до художественных произведений. От уровня разработки конкретных принципов и методов исследования личности и деятельности ученого зависит успех любой из них. Но поскольку количество биографий гуманитариев (особенно литературоведов) невелико, то и методология их создания не разрабатывается на должном уровне.

Важным шагом на пути к решению этой проблемы на научной основе может стать создание словаря русских литературоведов XX века. Необходимость академического издания такого типа обусловлена и другими причинами. Прежде всего – потребностью в современной, освобожденной от идеологического налета оценки индивидуального вклада исследователей в развитие литературоведения прошлого столетия. Ее отсутствие оставляет в несправедливом забвении труды многих ученых и не позволяет представить картину научной жизни в относительной полноте и очевидной сложности. Во-вторых, систематическое изучение накопленного в XX веке знания поможет глубже понять и уточнить содержание и предмет литературоведения как развивающейся научной дисциплины, смысл ее категорий, или «ключевых слов» (по определению А.В. Михайлова), место среди родственных наук и в

---

⁸ При написании этой главы мы не могли не учитывать опыт другой работы: *Буртин Ю.Г.* Методические указания для авторов и редакторов словаря [«Русские писатели. 1800 – 1917»] // Новое литературное обозрение. 2001. № 48. С. 97 – 112.

⁹ *Соколовская З.К.* Научно-биографическая серия Академии наук СССР // Человек науки. М., 1974. С. 385.

культуре в целом. Осмысление и переоценка литературоведческого наследия необходимы для преодоления сложившегося в отечественных условиях теоретического и методологического кризиса, связанного, как известно, с отсутствием новых идей¹⁰. «...В предшествующие годы, – пишет современный теоретик литературы, – произошла определенная девальвация “концептуального” литературоведения»¹¹. При этом хочется верить, что интерес к истории литературоведения не продиктован предчувствием ее конца. Создание Словаря имеет также науковедческую значимость, поскольку «биографии ученых представляют собой ту самую “коллекцию уникальных случаев”, изучив которые можно, наконец, составить адекватное представление о научном мышлении, его генезисе и динамике в естественных условиях реальной жизни человека»¹².

***

Для издания, посвященного исследователям литературы XX века, слово «литературовед» подходит как нельзя лучше, поскольку именно в прошлом столетии оно упрочилось в русской речевой практике. При этом задача составителя словника осложняется препятствием, о котором в беседе с Т.А. Касаткиной рассуждала И.Б. Роднянская: «...чуть ли не всякий, кто занимается тем, что это слово должно покрывать, боится его, как чумной заразы, и в разных справках о себе старается писать что угодно: филолог, историк литературы, культуролог (хотя “культуролог” – тоже слово неважное). Но только не “литературовед”. За этим, видимо, стоит некое не до конца вербализованное ощущение, что это искусственное слово или безмерно широко, или вообще ничего не означает. Или – слишком много, или – ничего»¹³. Кто же, в таком случае, должен составить словарь русских литературоведов XX века?

Во-первых, ученые-филологи, научная деятельность которых была сосредоточена на изучении художественной литературы и всем,

---

¹⁰ См. об этом блок материалов: Филология: кризис идей? // Знамя. 2005. № 1.

¹¹ *Клинг О.А.* Влияние символизма на постсимволистскую поэзию в России 1910-х годов: проблемы поэтики. М., 2010. С. 33.

¹² *Мошкова Г.Ю.* Научное исследование в контексте жизненного пути ученого // Философия науки. Вып. 9: Эволюция творческого мышления. М., 2003. С. 253.

¹³ *Роднянская И.Б.* Движение литературы. В 2 т. Т. 1. М., 2006. С. 7.

что с ней связано¹⁴. Это самая большая группа исследователей, в которую войдут некоторые лингвисты (В.В. Виноградов, Г.О. Винокур, Б.А. Ларин, А.А. Шахматов, Р.О. Якобсон и др.), историки и теоретики литературы, фольклористы (В.П. Адрианова-Перетц, М.К. Азадовский, М.П. Алексеев, М.М. Бахтин, Н.Я. Берковский, С.М. Бонди, В.Э. Вацура, М.Л. Гаспаров, Л.Я. Гинзбург, Б.И. Пуришев, Б.В. Томашевский, В.Н. Турбин, Б.М. Эйхенбаум, Б.И. Ярхо и др. – остов словника), библиографы и книговеды (В.Я. Адарюков, А.В. Мезьер, К.Д. Муратова, А.Г. Фомин и др.). Во-вторых, литераторы, размышлявшие о природе художественного творчества и анализировавшие произведения не только современных для них авторов¹⁵. Это писатели (А.А. Ахматова, Т.А. Бек, Андрей Белый, В.Я. Брюсов, В.А. Каверин, Максим Горький, К.И. Чуковский и др.), критики, обращавшиеся не только к текущему литературному процессу (А.Л. Волынский, А.К. Воронский, Д.А. Горбов, А.З. Лежнев и др.), некоторые мыслители, на первый взгляд, далекие от литературоведения, но внесшие в его развитие особый вклад (Н.А. Бердяев, Г.В. Плеханов, В.В. Розанов и др.).

Исходным условием при отборе имен должно стать наличие у литературоведа опубликованных исследований, написанных на русском языке, научно значимых, оригинальных или типичных для своего времени.

Нуждается в комментарии вопрос о временных границах словаря русских литературоведов XX века. В целом эти границы соответствуют календарному веку, но поскольку, по точному замечанию С.А. Венгерова, «хронология формальная и хронология действительно цельных исторических и литературных полос редко

---

¹⁴ «Литературоведению, – пишет В.Е. Хализев, – “подведомственны” не только словесно-художественные произведения как таковые, но и многое другое: 1) процессы творческой деятельности писателей и их биографии; 2) сфера восприятия литературы читателями; 3) разного рода литературные “общности” – жанры или национальные литературы, литературные эпохи; всемирная литература как таковая или эволюция художественных форм и творческих принципов и т.п.» (Хализев В.Е. О составе литературоведения и специфике его методологии // Наука о литературе в XX веке: (История, методология, литературный процесс): Сб. ст. М., 2001. С. 8 – 9.

¹⁵ В данном случае мы исходим из сложившейся традиции относить текущий литературный процесс к предмету литературной критики как дисциплины, имеющей дело с «незавершенными» явлениями. Несмотря на уязвимость, такая позиция позволяет более четко сформировать словник.

совпадают»¹⁶, то их необходимо расширить. Правомерно было бы включать в словник преимущественно тех, чья литературоведческая деятельность прочно ассоциируется с XX веком, хотя могла начаться в последней четверти XIX столетия, и завершилась до 2010 года (за редкими исключениями). Таким образом, будет соблюден и «этический императив» научного исследования – «о здравствующих ни слова».

Отдельно следует оговорить отсутствие географических барьеров для включения в словарь эмигрантов-литературоведов (Г.В. Адамович, Ю.И. Айхенвальд, Н.М. Бахтин, П.Л. Вайль, М.Л. Гофман, К.В. Мочульский, Н.А. Оцуп и др.).

***

Не менее важной, чем состав словника, является проблема структуры и содержания словарной статьи. По сути, ее решение сводится к размышлениям над жанром биографии ученого, ибо костяк словаря должны составить профессиональные филологи. При этом включение в словник литераторов не выглядит нарушением «канона», ибо близость двух жанров (биографии ученого и биографии писателя) подтверждается даже поверхностным сравнением.

Истоки жанра биографии ученого, так же как и писателя, восходят к античности. «По существу, – пишет В.Я. Френкель, – диалоги Платона являются не чем иным, как научной биографией Сократа; “Воспоминания о Сократе” написал его ученик Ксенофонт. Демокриту принадлежит не дошедшая до нас, но многократно упоминаемая в древних источниках биография Пифагора»¹⁷. Конечно, с «научностью» диалогов Платона можно с легкостью поспорить. Но интерес к биографии ученого (а применительно к античности точнее сказать – философа) имеет древнее происхождение. Кроме того, первые отечественные биографические словари, во многом способствовавшие появлению научных жизнеописаний, были посвящены как писателям, так и ученым. Об этом красноречиво свидетельствует не только содержание, но и заглавие некоторых из них: «Справочный словарь о русских писателях и ученых, умерших в XVIII и XIX столетиях...» (Г.Н. Геннади), «Критико-биографический словарь русских писателей и ученых (от начала русской образованности до наших дней)» (С.А. Венгеров), «Краткий

---

¹⁶ Русская литература XX века (1890 – 1910). В 2 кн. Кн. 1. М., 2000. С. 19.

¹⁷ Френкель В.Я. О жанре биографии ученых // Человек науки. С. 109.

биографический словарь ученых и писателей Полтавской губернии с половины XVIII века. С портретами» (И.Ф. Павловский), «Саратовцы – писатели и ученые (Материалы для биобиблиографического словаря» (С.Д. Соколов).

Сходство этим не ограничивается. «Хотя, – полагает Б.С. Мейлах (к суждениям которого на *эту* тему имеет смысл прислушаться), – типы биографий ученых и писателей имеют каждый свою специфику, зависящую от особенностей научной и литературно-художественной деятельности, все же существуют общие методологические проблемы биографического жанра. Опыт биографий писателей должен быть учтен и при обсуждении путей воссоздания жизни и творчества ученого...»¹⁸ Речь здесь идет о нескольких скрепах, объединяющих два жанра.

Авторы биографий ученого и писателя имеют дело с однотипными источниками (эпистолярная, дневники, автобиографии, документы эпохи), которые требуют поиска, отбора, то есть профессиональной критики и проверки на прочность, обработки. Сталкиваясь с нехваткой достоверных материалов, при реконструкции «белых пятен», любой биограф вынужден обращаться за помощью к интуиции, выбирая между научным домыслом и художественным вымыслом. «В биографической реконструкции, – пишет М.Г. Ярошевский, – в особенности касающейся психологического мира героя, зачастую закрытого не только для других, но и для него самого, биограф вынужден вращаться в сфере домысла, который, однако, не следует отождествлять с художественным вымыслом»¹⁹. «В домысле – логичном, разумном, психологически обоснованном, – продолжает эту же мысль Е.М. Кляус, – нет ничего одиозного. Ведь существует же в арсенале ученых научный домысел! Почему не должно быть домысла в работе историка науки?! Конечно, домысел не вопреки достоверным фактам, а только там, где их недостает, где нет иного пути к установлению истины; домысел, способствующий воссозданию психологически достоверного облика ученого и неких предполагаемых ситуаций»²⁰. Рассуждая о биографии писателя, Г.О. Винокур утверждал, что «словесная экспрессия служит поводом

---

¹⁸ Мейлах Б.С. Биография как методологическая проблема // Человек науки. С. 8.

¹⁹ Ярошевский М.Г. Биография ученого как науковедческая проблема // Человек науки. С. 24.

²⁰ Кляус Е.М. Психологическая деталь в научной биографии // Человек науки. С. 208 – 209.

для возникновения биографических интересов, поскольку она является симптомом или признаком личных авторских переживаний и поведения»²¹. Несмотря на широко декларируемую унифицированность языка науки, высказанная Г.О. Винокуром мысль может быть применима и к биографиям выдающихся ученых, труды которых «безусловно, носят отпечаток стилевой индивидуальности»²². Чтобы убедиться в этом, достаточно сравнить научный стиль работ М.М. Бахтина, Н.Я. Берковского, С.С. Аверинцева. Еще одно связующее звено двух жанров – мифы, которыми обрастают как писатели, так и ученые. По верному замечанию Б.Г. Володина: «Человек, отважившийся приняться за серьезное биографическое сочинение, – равно науковед или писатель – почти неминуемо сталкивается с необходимостью разрушать мифы, возникающие вокруг знаменитых людей с закономерностью, которая красочно определена еще достоправным Антоном Антоновичем Сквозник-Дмухановским: “...только где-нибудь поставь какой-нибудь памятник или просто забор – черт их знает, откуда и нанесут всякой дряни!..”»²³. В данном случае мифы не следует смешивать с легендами, стоящими в одном ряду с историческими анекдотами, которые имеют безусловную биографическую ценность. С общими трудностями биографы писателей и ученых сталкиваются не только в упомянутых случаях, но также при интерпретации самых разных фактов и включении творческого наследия «героя» в канву жизнеописания. «К тому же, – писал один из исследователей в 1970-е годы, – если исходить из современного понимания творчества как системы (в соответствии с общей теорией систем), то научное и художественное творчество можно рассматривать как подсистемы, объединяемые универсальными законами творческого мышления (что, конечно, не должно вести к игнорированию своеобразия каждой из подсистем)»²⁴. На этом своеобразии имеет смысл остановиться.

В глазах ученого-биографа творческая личность писателя не едина «на бытовом и сверхбытовом уровнях»²⁵, если учесть принятое

---

²¹ Винокур Г.О. Биография и культура // *Он же*. Биография и культура. Русское сценическое произношение. М., 1997. С. 13.

²² Кирсанов В.С. О критериях подхода к биографии творческой личности // *Человек науки*. С. 93.

²³ Володин Б. Мифы и документы // *Человек науки*. С. 125.

²⁴ Мейлах Б.С. Биография как методологическая проблема // *Человек науки*. С. 9.

²⁵ См. об этом подробно: Холиков А.А. Биография писателя как жанр: Учебное пособие. М., 2010. С. 86 – 88. Вкратце напомним, что бытовой уровень

в литературоведении обособление автора как реального лица от автора в художественном произведении. Об этой двойственности природы свидетельствуют и сами писатели. Вспомним хрестоматийные строки А.С. Пушкина: «Пока не требует поэта / К священной жертве Аполлон, / В заботах суетного света / Он малодушно погружен; / <...> / Но лишь божественный глагол / До слуха чуткого коснется, / Душа поэта востепенится, / Как пробудившийся орел»²⁶. Особенность творческой личности ученого другая. «Если только ученый, – пишет Г.Ю. Мошкова, – не страдает раздвоением личности, то во всех своих проявлениях он действует и воспринимает себя как единая и неделимая, целостная личность, внутри которой нет барьера между “Я – ученый” и “Я – человек”»²⁷. При всем этом писатель, выступающий в роли литературоведа (равно как и критик), мало чем отличается от ученого, тем более – гуманитария, деятельность которого не менее индивидуализирована, чем художественное творчество. Типические черты выступают в ней не столь отчетливо, как в трудах представителей точных наук. Так, мы не сомневаемся в возможности дублирования результатов работы двух незнакомых друг с другом физиков, но с трудом представляем два абсолютно идентичных разбора стихотворения (если это не плагиат). Иначе говоря, в своей индивидуальности работа гуманитария сродни художественному творчеству. Наконец, творческая личность писателя в глазах биографа может быть так же едина, как личность ученого, если она исследуется на «сущностном» уровне, когда главным становится принцип «писатель – это его стиль». При этом личность представлена во всех своих текстах независимо от их жанровой принадлежности, а важнейшим показателем ее проявления становится не всегда сознательная повторяемость на лексическом, синтаксическом,

---

подразумевает изучение биографических фактов в отрыве от творческой деятельности личности, а на сверхбытовом уровне биограф исследует жизнь писателя в ее отношении к творчеству.

²⁶ Хотя высказывания писателей в данном случае не самый надежный аргумент. Пушкинскому взгляду можно противопоставить тезис В.Я. Брюсова: «Нет особых мигнов, когда поэт становится поэтом: он или всегда поэт, или никогда. И душа не должна ждать божественного глагола, чтобы востепениться, “как пробудившийся орел”. Этот орел должен смотреть на мир вечно бессонными глазами» (*Брюсов В.Я. Священная жертва // Он же. Собрание сочинений: В 7 т. Т. 6. М., 1975. С. 99*).

²⁷ *Мошкова Г.Ю. Научное исследование в контексте жизненного пути ученого // Философия науки. Вып. 9: Эволюция творческого мышления. С. 252.*

композиционном, образном и смысловом уровнях. Кроме того, в стиле обнаруживается индивидуальность творческой личности – неповторимое своеобразие на уровне текста.

***

Словарь русских литературоведов XX века не должен ограничиваться только справочной функцией и предоставлять читателю «сухую» фактологию с кратким пересказом первостепенных научных трудов. В этой связи будет нелишним напомнить замечание Д.С. Лихачева: «Бессилие литературоведения ярко сказывается в “анализе” литературного произведения путем пересказа – более или менее подробного». И далее: «Пересказ всегда искажение, упрощение и “оскучение”»²⁸. Эту мысль можно распространить на научное творчество. Следовательно, встает вопрос о теоретико-методологических принципах написания словарной статьи. Чтобы приблизиться к ответу на него, сосредоточимся на жанре биографии литературоведа в его специфике и перечислим основные проблемные «узлы», связанные со структурой повествования, задачами, реализуемыми в тексте, а также источниками жизнеописания.

Начнем со структуры. Биография литературоведа складывается из ряда обязательных элементов, к которым относятся: характеристика основных этапов жизненного пути и исследовательской деятельности, повествование об эпохе и ближайшем окружении как факторах влияния на творческую личность. Это ядро. В тесных рамках словарной статьи может быть реализована трехчастная композиция, которая предполагает: 1) наличие кратких биографических сведений (даты и места рождения/смерти, происхождение, образование, начало, основные этапы и конец служебной деятельности, прижизненные первые публикации литературоведческих трудов, и некоторые другие), выстроенных в прямой хронологической последовательности; 2) аналитический обзор литературоведческой деятельности, подтверждающий ее индивидуальность и/или типичность, с выделением основных терминов и понятий (что позволит, благодаря составлению указателя терминов и понятий, проследить историю их функционирования и реального применения в XX веке, не написанную до сих пор, но крайне необходимую); 3) библиографию трудов литературоведа и – о нем, приобретающую особую ценность в

---

²⁸ Лихачев Д.С. Заметки и наблюдения: Из записных книжек разных лет. Л., 1989. С. 175 – 176.

статьях о «забытых» именах, имеющую рекомендательную функцию и являющуюся взаимодополняющей по отношению ко второй композиционной части.

Структура повествования обнажает задачи, стоящие перед биографом и помогающие ему достигнуть главной цели – понять и объяснить «героя» жизнеописания. По мнению одного из исследователей, «деятельность и индивидуальность ученого (в нашем случае – литературоведа – А.Х.) могут быть адекватно объяснены лишь в системе трех “координат”: предметно-логической, социально-исторической, личностно-психологической»²⁹.

Для биографа, пишет М.Г. Ярошевский, «нет более высокой цели, чем объяснить, каким образом логика развития науки определяет поведение конкретной личности, в какой форме она, эта логика, будучи независимой от сознания и воли отдельных лиц, покоряет их сознание и волю, становится их жизненным импульсом и отправлением»³⁰. Об этом же писал М.М. Бахтин: «Работая над любой книгой, важно усвоить не только содержащиеся в ней факты и готовые положения науки, но и методы, с помощью которых они найдены, установлены, доказаны. Надо овладеть самой логикой науки»³¹.

Несмотря на то, что в центре биографии должен находиться только главный «герой», невозможно создать полноценное жизнеописание литературоведа, даже в форме словарной статьи, вне контекста судеб научного или литературного сообщества. Большое внимание необходимо уделять влиянию общеисторических и социальных факторов на личность литературоведа и его ближайшее окружение. В идеале такое жизнеописание, хотя и в сжатом виде, «может служить источником ценной науковедческой информации»³², относящейся к развитию науки о литературе. Не будет преувеличением сказать, что биография отдельного литературоведа – это история литературоведения.

Освещение деятельности литературоведа в связи с социально-историческими обстоятельствами и движением науки не отменяет

---

²⁹ *Ярошевский М.Г.* Биография ученого как науковедческая проблема // Человек науки. С. 29.

³⁰ Там же. С. 33.

³¹ *Бахтин М.М.* Некоторые замечания // М.М. Бахтин: Эстетическое наследие и современность. Ч. 1. Саранск, 1992. С. 18.

³² *Быков Г.В.* Свет и тени в научной биографии // Человек науки. С. 68.

проблему изучения его индивидуального своеобразия. Вот почему одной из главных задач остается характеристика «творческой лаборатории» исследователя.

Решение этой задачи эквивалентно созданию сюжета художественного произведения. Перед биографом, для кого бы он ни писал, стоит цель хотя бы частично отразить внутренний мир ученого (его мировоззренческие установки) и проникнуть в психологию научной деятельности.

Поскольку труды выдающихся ученых, равно как литераторов, несут в себе отпечаток стилевой индивидуальности, то одной из установок биографа может быть их лингвистическое исследование. А чтобы полнее показать духовное содержание личности литературоведа, необходимо глубокое изучение его эстетического мира, выявление художественных (не только научных!) пристрастий и наклонностей.

Отвечая на многочисленные вопросы, биограф задает новые. А это, в свою очередь, так же как и указание направлений возможных исследований, дает биографии полное право называться *научной*, находящейся в русле той эпистемологической традиции, основной принцип которой сформулировал Ю.М. Лотман: «Литературоведение учится спрашивать – прежде оно спешило отвечать»³³ – но фундамент заложил А.Н. Веселовский: «Полезно выставить и новые “*les pourquoi*”, потому что неизведанного много, и оно часто идет за решенное, понятное само собою, как будто все мы условились хотя бы относительно, например, того, что такое романтизм и классицизм, натурализм и реализм, что такое возрождение и т.п.»³⁴.

Еще одна задача, без решения которой не обойтись биографу, – изучение мотивации тех или иных поступков, в которых творческая личность проявляется. По словам Г.Ю. Мошковой, «необходимо ответить на вопрос не только **что и как** происходило в жизни человека, но и **почему** это происходило»³⁵. Возникающая при этом проблема этической оценки того или иного поступка должна решаться биографом предельно корректно. Для реализации этой задачи Г.Ю. Мошкова предлагает схему анализа ключевых событий

---

³³ Лотман Ю.М. Анализ поэтического текста. Структура стиха. Л., 1972. С. 6.

³⁴ Веселовский А.Н. Из введения в историческую поэтику. Вопросы и ответы // Он же. Избранное: Историческая поэтика. М., 2006. С. 58.

³⁵ Мошкова Г.Ю. Научное исследование в контексте жизненного пути ученого // Философия науки. Вып. 9: Эволюция творческого мышления. С. 259.

жизненного пути ученого, которую можно применить к литературоведам: «...1) фактология события, то есть – что именно произошло; 2) психологическая сущность альтернатив, из которых проводится выбор (если таковой имелся); 3) борьба мотивов и мотивация выбора; 4) фактические и психологические последствия данного события»³⁶.

Последнее, на чем следует кратко остановиться, – проблема источников, приобретающая значимость для разграничения достоверного и невероятного в биографии литературоведа. В данном случае необходимо принимать во внимание время возникновения источника (до или после смерти литературоведа), характер (устный или письменный) и авторство (биограф, литературовед или другое лицо). Согласно концепции Б.М. Кедрова, наибольшей степенью достоверности будет обладать источник, непосредственно относящийся к интересующему нас времени, исходящий от самого литературоведа и носящий письменный характер, а наименьшей – источник, отдаленный во времени от описываемого события, исходящий от других лиц и носящий устный характер³⁷. В то же время, смею добавить, наибольшую ценность для написания словарной статьи представляют архивные и труднодоступные материалы.

Задачи непростые, но решаемые усилиями биографов-литературоведов, обладающих талантами настойчивых исследователей и одновременно – популяризаторов, способных писать о сложных научных проблемах в доступной форме. В результате следования перечисленным теоретическим принципам (список которых нельзя назвать закрытым) должен получиться словарь, цель которого – представить специалисту (и не только) краткую систематизированную информацию о русских литературоведах XX века с современным анализом их деятельности. Такой словарь не сможет претендовать на исчерпывающую полноту охвата имен, но будет необходимым вкладом в изучение науки о литературе ушедшего столетия.

А.А. Холиков

---

³⁶ Там же. С. 260.

³⁷ Кедров Б.М. Достоверное и недостоверное, вероятное и невероятное в биографии ученых // Человек науки. С. 63.

СЛОВНИК

Составитель – А.А. Холиков,
при участии В.И. Масловского.

Словник составлен в соответствии с изложенными теоретико-методологическими принципами. Разделение имен на три группы (ученые, литераторы, эмигранты) носит условный характер и предпринято для удобства работы с материалом. При издании словаря все имена будут расположены подряд по алфавиту. Словник насчитывает чуть более 1000 имен и имеет открытый характер, допускающий внесение изменений. Авторы проспекта будут благодарны за высказанные замечания, уточнения и пожелания, которые можно отправлять по адресу: alexey_kholikov@mail.ru.

УЧЕНЫЕ

Абрамов Анатолий Михайлович (1917 – 2005)
Абрамович Григорий Львович (1903 – ?)
Абрамович Дмитрий Иванович (1873 – 1955)
Авдиев Всеволод Игоревич (1898 – 1978)
Аверинцев Сергей Сергеевич (1937 – 2004)
Агранович Софья Залмановна (1944 – 2005)
Адарюков Владимир Яковлевич (1863 – 1932)
Адмони Владимир Григорьевич (Вольдемар-Вольф Гойвишевич Красный) (1909 – 1993)
Адрианова-Перетц Варвара Павловна (1888 – 1972)
Азадовский Марк Константинович (1888 – 1954)
Айзеншток Иеремия Яковлевич (1900 – 1980)
Акимова Татьяна Михайловна (1898(9) – 1987)
Аксельрод Любовь Исааковна (1868 – 1946)
Александров (Анатольев) Анатолий Анатольевич (1934 – 1994)
Алексахина Ирина Васильевна (1927 – 1995)
Алексеев Анатолий Дмитриевич (1922 – 1990)
Алексеев Василий Михайлович (1881 – 1951)
Алексеев Михаил Павлович (1896 – 1981)
Алпатов Арсений Владимирович (1904 – 1975)
Альтман Иоганн Львович (1900 – 1955)
Альтман Моисей Семенович (1896 – 1986)
Анджапаридзе Георгий Андреевич (1943 – 2005)
Андреев Леонид Григорьевич (1922 – 2001)

Андреев Николай Петрович (1892 – 1942)
Андреев-Кривич Сергей Алексеевич (1906 – 1973)
Андреевская Л.М. (? – ?)
Андроников (Андроникашвили) Ираклий Луарсабович (1908 – 1990)
Аникин Геннадий Викторович (1928 – 1982)
Аникст Александр Абрамович (1910 – 1988)
Анисимов Иван Иванович (1899 – 1966)
Антонова Галина Николаевна (? – ?)
Анциферов Николай Павлович (1889 – 1958)
Апостолов (Арденс) Николай Николаевич (1890 – 1974)
Аристов Федор Федорович (1888 – 1932)
Аронсон Марк Исидорович (1901 – 1937)
Архангельская Вера Константиновна (1923 – 2006)
Архангельский Александр Семенович (1854 – 1926)
Архипов Владимир Александрович (1913 – 1977)
Асмус Валентин Фердинандович (1894 – 1975)
Астахова Анна Михайловна (1886 – 1971)
Ашукин Николай Сергеевич (1890 – 1972)
Бабаев Эдуард Григорьевич (1927 – 1995)
Бабореко Александр Кузьмич (1913 – 1999)
Бабушкин Николай Федорович (1913 – 1969)
Багрий Александр Васильевич (1891 – 1949)
Базанов Василий Григорьевич (1911 – 1981)
Балахонов Виктор Евгеньевич (1923 – 1994)
Балашов Николай Иванович (1919 – 2006)
Балашов Петр Степанович (1905 – 1978)
Балин Виктор Иосифович (1925 – 1991)
Балухатый Сергей Дмитриевич (1893 – 1945)
Бараг Лев Григорьевич (1911? – 1995?)
Баранников Алексей Петрович (1890 – 1952)
Баскаков Владимир Николаевич (1930 – 1995)
Батюто Анатолий Иванович (1920 – 1991)
Батюшков Федор Дмитриевич (1857 – 1920)
Бахмутский Владимир Яковлевич (1919 – 2004)
Бахтин Владимир Соломонович (1923 – 2001)
Бахтин Михаил Михайлович (1895 – 1975)
Безубов Валерий Иванович (1929 – 1991)
Белая Галина Андреевна (1931 – 2004)
Белецкий Александр Иванович (1884 – 1961)
Белкин Абрам Александрович (1907 – 1970)
Бельчиков Николай Федорович (1890 – 1979)
Бердников Георгий Петрович (1915 – 1996)
Березина Валентина Григорьевна (1915 – 2003)
Берков Павел Наумович (1896 – 1969)

Берковский Наум Яковлевич (1901 – 1972)
Берман Дагмара Андреевна (1928 – 1999)
Бернштейн Инна Абрамовна (1919 – 1992)
Бескровный Василий Матвеевич (1908 – 1978)
Беспалов Иван Михайлович (1900 – 1937)
Билинкис Яков Семенович (1926 – 2001)
Благой Дмитрий Дмитриевич (1893 – 1984)
Бобров Евгений Александрович (1867 – 1933)
Боброва Мария Нестеровна (1902 – ?)
Богаевская Ксения Петровна (1911 – 2002)
Богаевский Борис Леонидович (1882 – 1942)
Богатырев Петр Григорьевич (1893 – 1971)
Богданова Медина Искандеровна (1908 – 1962)
Богомоллов Игорь Семенович (1932 – 2003)
Богословский Николай Вениаминович (1904 – 1961)
Боград Владимир Эммануилович (1917 – 1986)
Богуславский Александр Осипович (1901 – 1969)
Боднарский Богдан Степанович (1874 – 1968)
Бодров Михаил Северьянович (1937 – 1997)
Болдырев Александр Николаевич (1909 – 1993)
Бонди Сергей Михайлович (1891 – 1983)
Бороздин Александр Корнилиевич (1863 – 1918)
Борщевский Соломон Самойлович (1895 – 1962)
Бочаров Анатолий Георгиевич (1922 – 1997)
Бочкарев Виктор Алексеевич (1906 – 1994)
Брагинский Иосиф Самуилович (1905 – 1989)
Брандис Евгений Павлович (1916 – 1985)
Брейтбург Семен Моисеевич (1899 – 1970)
Брик Осип Максимович (1888 – 1945)
Бритиков Анатолий Федорович (1926 – 1996)
Бродский Николай Леонтьевич (1881 – 1951)
Бройтман Самсон Наумович (1937 – 2005)
Бугаенко Павел Андреевич (1908 – 1983)
Бугославский Сергей Алексеевич (1888 – 1946)
Бугров Борис Семенович (1936 – 2002)
Буланина Татьяна Владимировна (1953 – 2004)
Бураго Сергей Борисович (1945 – 2000)
Бурсов Борис Иванович (1905 – 1997)
Бухштаб Борис Яковлевич (1904 – 1985)
Буш Владимир Владимирович (1888 – 1934)
Бушмин Алексей Сергеевич (1910 – 1983)
Бэлза Игорь Федорович (1904 – 1994)
Бялик Борис Аронович (1911 – 1988)
Бялый Григорий Абрамович (1905 – 1987)

Вайман Семен Теодорович (1924 – 2004)
Валагин Александр Петрович (1939 – 2006)
Варнеке Борис Васильевич (1874 – 1944)
Васнецов Александр Михайлович (1861 – 1927)
Вацуро Вадим Эразмович (1935 – 2000)
Векслер Иван Иванович (1885 – 1954)
Великовский Самарий Израилевич (1931 – 1990)
Венгеров Семен Афанасьевич (1855 – 1920)
Венгров (Файвелевич) Моисей Павлович (1894 – 1962)
Веселовский Юрий Алексеевич (1872 – 1919)
Вильмонт (Вильям-Вильмонт) Николай Николаевич (1901 – 1986)
Вильчинский Всеволод Пантелеймонович (1916 – 1978)
Виноградов Виктор Владимирович (1895 – 1969)
Виноградов Иван Архипович (1902 – 1936)
Винокур Григорий Осипович (1896 – 1947)
Виппер Юрий Борисович (1916 – 1991)
Владиславлев (Гульбинский) Игнатий Владиславович (1880 – 1962)
Владыкин Григорий Иванович (1909 – 1963)
Власова Зоя Ивановна (1925 – 2006)
Вознесенский Александр Николаевич (1888 – 1966)
Войтоловский Лев Наумович (1876 – 1941)
Волжский (Глинка) Александр Сергеевич (1878 – 1940)
Волин Борис Михайлович (Иосиф Ефимович Фрадкин) (1886 – 1957)
Волков Анатолий Андреевич (1909 – 1981)
Волков Иван Федорович (1924 – 1995)
Вольпе Цезарь Самойлович (1904 – 1941)
Вулис Абрам Зиновьевич (1928 – 1993)
Вульфович Тамара Львовна (1922 – 1998)
Выготский Лев Семенович (1896 – 1934)
Выходцев Петр Созонтович (1923 – 1994)
Гайденков Николай Матвеевич (? – 1968)
Гальцева Лидия Петровна (1938 – 1998)
Гальперина Евгения Львовна (1905 – 1982)
Гаркави Александр Миронович (1922 – 1980)
Гаспаров Михаил Леонович (1935 – 2005)
Гачев Георгий Дмитриевич (1929 – 2008)
Гвоздев Алексей Александрович (1887 – 1939)
Гейман Борис Яковлевич (1899 – 1968)
Гельгардт Роман Робертович (1906 – 1982)
Гершензон Михаил (Мейлих) Осипович (Иосифович) (1869 – 1925)
Герштейн Эмма Григорьевна (1903 – 2002)
Гессен Сергей Яковлевич (1903 – 1937)
Гилилов Илья Михайлович (Менделевич) (1924 – 2007)
Гиллельсон Максим Исаакович (1915 – 1987)

Гиммельфарб Борис Вениаминович (1883 – 1955)
Гинзбург Лидия Яковлевна (1902 – 1990)
Гиппиус Василий Васильевич (1890 – 1942)
Гитович Нина Ильинична (1903 – 1994)
Глаголев Николай Александрович (1896 – 1984)
Гладковская Лидия Арсеньевна (1917 – 1992)
Гливенко Иван Иванович (1868 – 1931)
Глоцер Владимир Иосифович (1931 – 2009)
Глускина Анна Евгеньевна (1904 – 1994)
Глушков Николай Иванович (1923 – 2007)
Гогешвили Арсен Арсенович (1934 – 1997)
Гозенпуд Абрам Акимович (1908 – 2004)
Голенищев-Кутузов Илья Николаевич (1904 – 1969)
Головенченко Анатолий Федорович (1925 – 2003)
Головенченко Федор Михайлович (1899 – 1963)
Голосовкер Яков Эммануилович (1890 – 1967)
Голубева Ольга Дмитриевна (1921 – 2004)
Горбов Дмитрий Александрович (1894 – 1967)
Гордин Аркадий Моисеевич (1913 – 1997)
Гордлевский Владимир Александрович (1876 – 1956)
Горегляд Владимир Никанорович (1932 – 2002)
Горнфельд Аркадий Георгиевич (1867 – 1941)
Горнунг Борис Владимирович (1899 – 1976)
Городецкий Борис Павлович (1896 – 1974)
Гоффеншефер Вениамин Цезаревич (1905 – 1966)
Грабарь-Пассек Мария Евгеньевна (1893 – 1975)
Грехнев Всеволод Алексеевич (1938 – 1998)
Гриб Владимир Романович (1908 – 1940)
Григорьев Виктор Петрович (1925 – 2007)
Григорьев Михаил Степанович (1890 – 1980)
Григорян Камсар Нарсесович (1911 – 2004)
Гринцер Павел Александрович (1928 – 2009)
Грифцов Борис Александрович (1885 – 1950)
Грихин Вячеслав Андрианович (1942 – 1987)
Гришунин Андрей Леопольдович (1921 – 2006)
Грознова Наталья Александровна (1933 – 1999)
Громов Владимир Алексеевич (1929 – 1999)
Громов Михаил Петрович (1927 – 1990)
Громова-Опульская Лидия Дмитриевна (1925 – 2003)
Гроссман Леонид Петрович (1888 – 1965)
Груздев Илья Александрович (1892 – 1960)
Грузинский Алексей Евгеньевич (1858 – 1930)
Грушка Аполлон Аполлонович (1869(70) – 1929)
Гудзий Николай Каллиникович (1887 – 1965)

Гудошников Яков Иванович (1924 – 1984)
Гуковский Григорий Александрович (1902 – 1950)
Гуляев Николай Александрович (1914 – 1986)
Гунст Евгений Анатольевич (1901 – 1993)
Гура Виктор Васильевич (1925 – 1991)
Гуральник Уран Абрамович (1921 – 1989)
Гурвич Исаак Аронович (1926 – 2001)
Гурштейн Арон Шефтелевич (1895 – 1941)
Гусев Виктор Евгеньевич (1918 – 2002)
Гусев Николай Николаевич (1882 – 1967)
Гутьяр Николай Михайлович (1866 – 1930)
Данилин Юрий Иванович (1897 – 198?)
Данилов Владимир Валерианович (1881 – 1959)
Данилов Сергей Сергеевич (1901 – 1959)
Дарский Дмитрий Сергеевич (1883 – 1957)
Девекин Валентин Николаевич (1918 – 1997)
Дементьев Александр Григорьевич (1904 – 1986)
Дементьев Электрон Григорьевич (1926 – 2004)
Дератани Николай Федорович (1884 – 1958)
Дергачев Иван Алексеевич (1911 – 1991)
Державин Константин Николаевич (1903 – 1956)
Державин Николай Севастьянович (1877 – 1953)
Державина Ольга Александровна (1901 – 1985)
Дерман Абрам Борисович (1880 – 1952)
Десницкий Василий Алексеевич (1878 – 1958)
Дживелегов Алексей Карпович (1875 – 1952)
Диев Владимир Александрович (1920 – 1970)
Динамов Сергей Сергеевич (1901 – 1939)
Дмитриев Лев Александрович (1921 – 1993)
Дмитриева Руфина Петровна (1925 – 2001)
Днепров (Резник) Владимир (Вольф) Давидович (1903 – 1992)
Добровольский Владимир Николаевич (1856 – 1920)
Добровольский Лев Михайлович (1900 – 1963)
Докусов Александр Максимович (1894 – 1981)
Долгополов Леонид Константинович (1928 – 1995)
Долинин (Искоз) Аркадий Семенович (1883 – 1968)
Дробленкова Надежда Феокистовна (1926 – 2006)
Друзин Валерий Павлович (1903 – 1980)
Дубашинский Иосиф Абрамович (1919 – 2007)
Дубровин Артемий (Артем) Григорьевич (1930 – 1994)
Дубровина Изабелла Михайловна (1930 – 2009)
Дувакин Виктор Дмитриевич (1909 – 1982)
Дуганов Рудольф Валентинович (1940 – 1998)
Дурьлин Сергей Николаевич (1886 – 1954)

Дынник-Соколова Валентина Александровна (1898 – 1979)
Евгеньев-Максимов (Максимов) Владислав Евгеньевич (1883 – 1955)
Евлахов Александр Михайлович (1880 – 1966)
Евнин Федор Исакович (1901 – ?)
Евнина Елена Марковна (1910 – 1998)
Еголин Александр Михайлович (1896 – 1959)
Егунов Андрей Николаевич (1895 – 1968)
Елеонская Елена Николаевна (1873 – 1951)
Елеонский Сергей Федорович (1891 – 1960)
Елизарова Мария Евгеньевна (1898 – ?)
Елина Нина Генриховна (1916 – 2007)
Елистратова Анна Аркадьевна (1910 – 1974)
Емельянов Леонард Иванович (1929 – 1996)
Еремин Игорь Петрович (1904 – 1963)
Еремин Михаил Павлович (1914 – 2000)
Ермаков Иван Дмитриевич (1875 – 1942)
Ефимов Николай Иванович (1889 – ?)
Жантиева Диляра Гиреевна (1902 – 1975)
Жданов Владимир Александрович (1898 – 1971)
Жданов Владимир Викторович (1911 – 1981)
Желтова Нинель Ивановна (1924 – 1998)
Жирмунский Виктор Максимович (1891 – 1971)
Житомирская Сарра Владимировна (1916 – 2002)
Жук Алла Александровна (1931 – 1992)
Жуковский Валентин Алексеевич (1858 – 1918)
Журавлева Анна Ивановна (1938 – 2009)
Заблудовский Михаил Давидович (1912 – 1941)
Зайденштур Эвелина Ефимовна (1902 – 1985)
Западов Александр Васильевич (1907 – 1997)
Западов Владимир Александрович (1930 – 1998)
Замотин Иван Иванович (1873 – 1942)
Заюнчковский Юрий Петрович (1921 – 1998)
Зверев Алексей Матвеевич (1939 – 2003)
Здобнов Николай Васильевич (1888 – 1942)
Зеленин Дмитрий Константинович (1878 – 1954)
Зенгер Григорий Эдуардович (1853 – 1919)
Зонина Ленина Александровна (1922 – 1985)
Зунделович Яков Осипович (1893 – 1965)
Иванов Василий Иванович (1910 – 1973)
Иванов Иван Иванович (1862 – 1929)
Иванова Лариса Николаевна (1948 – 2006)
Ивашева Валентина Васильевна (1908 – 1991)
Ивашин Василий Владимирович (1913 – 2009)
Иващенко Александр Федорович (1908 – 1961)

Иезуитова Людмила Александровна (1931 – 2008)
Измайлов Николай Васильевич (1893 – 1981)
Изотов Иван Трифонович (1893 – 1982)
Ильев Степан Петрович (1937 – 1994)
Ильинский Григорий Андреевич (1876 – 1937)
Ильинский Леонид Константинович (1878 – 1934)
Ингер Айзик Геннадьевич (1925 – 2003)
Иоффе Иеремия Исаевич (1888 – 1947)
Истомин Константин Константинович (1874 – 1942)
Истрин Василий Михайлович (1865 – 1937)
Ищук Геннадий Николаевич (1924 – 1986)
Каган Юдифь Матвеевна (1924 – 2000)
Кагарлицкий Юлий Иосифович (1926 – 2000)
Казанович Евлалия Павловна (1886 – 1942)
Казанский Борис Васильевич (1889 – 1962)
Калачева Светлана Васильевна (1926 – 1999)
Калецкий Павел Исаакович (1906 – 1942)
Каллаш Владимир Владимирович (1866 – 1919)
Камегулов Анатолий Дмитриевич (1900 – 1937)
Камянов Виктор Исаакович (1924 – 1997)
Канунова Фаина Зиновьевна (1922 – 2009)
Караганов Александр Васильевич (1915 – 2007)
Карельский Альберт Викторович (1936 – 1993)
Карху Эйно Генрихович (1923 – 2008)
Касторский Сергей Васильевич (1898 – 1962)
Катанян Василий Абгарович (1902 – 1999)
Катарский Игорь Максимилианович (1919 – 1971)
Кауфман Исаак Михайлович (1887, по др. данным 1892 – 1971)
Кашин Николай Павлович (1874 – 1939)
Квятковский Александр Павлович (1888 – 1968)
Келтуяла Василий Афанасьевич (1867 – 1942)
Кельин Федор Викторович (1893 – 1965)
Кирпотин Валерий Яковлевич (1898 – 1997)
Кишкин Лев Сергеевич (1918 – 2000)
Клевенский Митрофан Михайлович (1877 – 1939)
Клеман Михаил Карлович (1897 – 1942)
Клюева Вера Николаевна (1894 – 1964)
Ковалев Валентин Архипович (1911 – 1999)
Ковалев Владислав Антонович (1922 – 1991)
Ковригина Надежда Владимировна (1919 – 2003)
Коган Александр Григорьевич (1921 – 2000)
Коган Лев Рудольфович (1885 – 1959)
Коган Петр Семенович (1872 – 1932)
Кожевников Юрий Алексеевич (1922 – 1993)

Кожин Вадим Валерианович (1930 – 2001)
Козьмин Борис Павлович (1883, по др. данным 1888 – 1958)
Козьмин Николай Кирович (1873 – 1942)
Кокорев Александр Васильевич (1883 – 1965)
Колпакова Наталия Павловна (1902 – 1994)
Комарович Василий Леонидович (1894 – 1942)
Комина Римма Васильевна (1926 – 1995)
Комиссаров Даниил Семенович (Самуилович) (1907 – 2008)
Конкин Семен Семенович (1917 – 1999)
Конрад Николай Иосифович (1891 – 1970)
Коргузалов Всеволод Владимирович (1920 – 1999)
Корецкая Инна Витальевна (1921 – 2004)
Корман Борис Осипович (Ошерович) (1922 – 1983)
Коробка Николай Иванович (1872 – 1920)
Кор-Оглы (Короглы, Кероглу) Халык Гусейнович (1919 – 2001)
Косиков Георгий Константинович (1944 – 2010)
Костелянец Борис Осипович (1912 – 1999)
Костюхин Евгений Алексеевич (1938 – 2006)
Котляревский Нестор Александрович (1863 – 1925)
Котов Анатолий Константинович (1909 – 1956)
Кохно Игорь Павлович (1930 – 1988)
Кравцов Николай Иванович (1906 – 1980)
Краснов Георгий Васильевич (1921 – 2008)
Красноженова Мария Васильевна (1871 – 1942)
Крачковский Игнатий Юлианович (1883 – 1951)
Крестова Людмила Васильевна (1892 – 1978)
Кржевский Борис Аполлонович (1887 – 1954)
Кубиков (Дементьев) Иван Николаевич (1877 – 1944)
Кудрявцев Юрий Григорьевич (1935 – 1996)
Кузнецова Раиса Романовна (1920 – 2001)
Кузьмина Вера Дмитриевна (1908 – 1968)
Кулагина Алла Васильевна (1938 – 2009)
Кулакова Любовь Ивановна (1906 – 1972)
Кулешов Василий Иванович (1919 – 2006)
Кулешов Федор Иванович (1913 – 1993)
Куллэ Роберт Фредерикович (1885 – 1938)
Кунцевич Георгий Захарьевич (1872 – 1925)
Куприянова Елизавета Николаевна (1906 – 1988)
Куприяновский Павел Вячеславович (1919 – 2002)
Купченко Владимир Петрович (1938 – 2004)
Кусков Владимир Владимирович (1920 – 1999)
Куфаев Михаил Николаевич (1888 – 1948)
Лаврецкий А. (Иосиф Моисеевич Френкель) (1893 – 1964)
Лавров Владимир Алексеевич (1935 – 1997)

Лазарев Александр Иванович (1928 – 2001)
Лакшин Владимир Яковлевич (1933 – 1993)
Ларин Борис Александрович (1893 – 1964)
Лебедев Александр Александрович (1928 – 2002)
Лебедев Евгений Николаевич (1941 – 1997)
Лебедев-Полянский (Лебедев) Павел Иванович (1881(2) – 1948)
Левин Юрий Давидович (1920 – 2004)
Левит Теодор Маркович (1904 – 1943)
Левкович Янина Леоновна (1920 – 2002)
Лезин Борис Андреевич (1880 – 1942)
Лемке Михаил Константинович (1872 – 1923)
Ленобль Генрих Морисович (1906 – 1964)
Леонтьев Алексей Алексеевич (1936 – 2004)
Лернер Николай Осипович (1877 – 1934)
Лесскис Георгий Александрович (1917 – 2000)
Либан Николай Иванович (1910 – 2007)
Лившиц Исаак Григорьевич (1896 – 1970)
Лизунова Евгения Васильевна (1926 – 1993)
Лисовский Николай Михайлович (1854 – 1920)
Либинзон Зиновий (Залмон) Ефимович (Хаимович) (1918 – 1992)
Лиманцева Светлана Николаевна (? - ?)
Лисевич Игорь Самойлович (1932 – 2000)
Лифшиц Михаил Александрович (1905 – 1983)
Лихачев Дмитрий Сергеевич (1906 – 1999)
Ловягин Александр Михайлович (1870 – 1925)
Ломидзе Георгий Иосифович (1914 – 1999)
Ломунов Константин Николаевич (1911 – 2005)
Лопарев Хрисанф Мефодьевич (1862 – 1918)
Лосев Алексей Федорович (1893 – 1988)
Лотман Юрий Михайлович (1922 – 1993)
Лукьянов Сергей Сергеевич (ок. 1888 – 1938?)
Луппол Иван Капитонович (1896 – 1943)
Лурье Соломон Яковлевич (1890(1) – 1964)
Лурье Яков Соломонович (1921 – 1996)
Любарева Елена Петровна (1916 – 1992)
Лященко Аркадий Иоакимович (1871 – 1931)
Майзель Михаил Гаврилович (1899 – 1937)
Маймин Евгений Александрович (1921 – 1997)
Макаренко Алексей Алексеевич (1860 – 1942)
Макашин Сергей Александрович (1906 – 1989)
Македонов Адриан Владимирович (1909 – 1994)
Макогоненко Георгий Пантелеймонович (1912 – 1986)
Максимов Дмитрий Евгеньевич (1904 – 1987)
Мальшев Владимир Иванович (1910 – 1976)

Малютина Антонина Ивановна (1913 – 1998)
Мамонтов Степан Петрович (1923 – 2001)
Мандельштам Роза Семеновна (1875 – 1953)
Мануйлов Виктор Андроникович (1903 – 1987)
Марков Алексей Владимирович (1877 – 1917)
Марков Дмитрий Федорович (1913 – 1990)
Масанов Юрий Иванович (1911 – 1965)
Масанов Иван Филиппович (1874 – 1945)
Мацуев Николай Иванович (1894 – 1975)
Машбиц-Веров Иосиф Маркович (1900 – 1989)
Машинский Семен Иосифович (1914 – 1978)
Медведев Павел Николаевич (1891(2) – 1938)
Медведева Ирина Николаевна (1903 – 1973)
Мезьер Августа Владимировна (1869 – 1935)
Мейлах Борис Соломонович (1909 – 1987)
Мелетинский Елеазар Моисеевич (1918 – 2005)
Мельгунов Борис Владимирович (1939 – 2006)
Мендельсон Морис Осипович (1904 – 1982)
Мессер Раиса Давыдовна (1905 – 1984)
Металлов Яков Михайлович (1900 – 1976)
Метченко Алексей Иванович (1907 – 1985)
Мигунов Алексей Андреевич (1919 – 2005)
Минокин Михаил Васильевич (1918 – 1999)
Мицц Зара Григорьевна (1927 – 1990)
Мицц Софья Исааковна (1899 – 1964)
Миримский Израиль Владимирович (1908 – 1962)
Михайлов Александр Алексеевич (1922 – 1994)
Михайлов Александр Викторович (1938 – 1995)
Михайлов Андрей Дмитриевич (1929 – 2009)
Михайлова Екатерина Николаевна (1897 – 1952)
Михайловский Борис Васильевич (1899 – 1965)
Михальская Нина Павловна (1925 – 2009)
Михальчи Дмитрий Евгеньевич (1900 – 1973)
Могиланский Александр Петрович (1909 – 2001)
Модзалевский Борис Львович (1874 – 1928)
Модзалевский Лев Борисович (1902 – 1948)
Мозольков Евгений Семенович (1909 – 1969)
Моисеева Галина Николаевна (1922 – 1993)
Молдавский Дмитрий Миронович (1921 – 1987)
Мордовченко Николай Иванович (1904 – 1951)
Морозов Александр Антонович (1906 – 1992)
Морозов Петр Осипович (1854 – 1920)
Морозова (Бородина-Морозова) Эрна Георгиевна (1904 – 1975)
Морохин Владимир Николаевич (1921 – 1996)

Мостовская Наталия Николаевна (1929 – 2006)
Мотылева Тамара Лазаревна (1910 – 1992)
Муратов Аскольд Борисович (1937 – 2005)
Муратова Ксения Дмитриевна (1904 – 1998)
Мурьянов Михаил Федорович (1928 – 1995)
Мусатов Владимир Васильевич (1949 – 2003)
Мушина Ирина Борисовна (1942 – 1984)
Мущенко Екатерина Григорьевна (1945 – 2000)
Мышковская Лия Моисеевна (1887 – 1959)
Мясников Александр Сергеевич (1913 – 1982)
Назаренко Яков Антонович (1893 – ?)
Наркирьер Федор Семенович (1919 – 1997)
Наумов Евгений Иванович (1909 – 1971)
Нейман Борис Владимирович (1888 – 1969)
Неупокоева Ирина Григорьевна (1917 – 1977)
Неустроев Владимир Петрович (1911 – 1986)
Нечаев Александр Николаевич (1902 – 1986)
Нечаева Вера Степановна (1895 – 1979)
Никитин Михаил Матвеевич (1906 – 1942)
Никитина Евдоксия Федоровна (1893, по др. данным 1895 – 1973)
Никифоров Александр Исаакович (1893 – 1942)
Николаев Александр Аронович (1948 – 2003)
Николаев Петр Алексеевич (1924 – 2007)
Николаева Маргарита Федоровна (1873 – 1957)
Николаева Нина Владимировна (? - ?)
Николаева Софья Анатольевна (1928 – 1999)
Никольский Николай Михайлович (1877 – 1959)
Никулин Николай Иванович (1931 – 2005)
Нинов Александр Алексеевич (1931 – 1998)
Новиков Василий Васильевич (1916 – 2005)
Нович (Файнштейн) Иван (Иоанн) Савельевич (1906 – 1984)
Новицкий Михаил Михайлович (1892 – 1964)
Новосадский Николай Иванович (1859 – 1941)
Нусинов Исаак Маркович (Моисеевич) (1889 – 1950)
Обломиевский Дмитрий Дмитриевич (1907 – 1971)
Образцова Анна Георгиевна (1922 – 2003)
Овсянко-Куликовский Дмитрий Николаевич (1853 – 1920)
Овчаренко Александр Иванович (1922 – 1988)
Овчинников Реджинальд Васильевич (1926 – 2008)
Озеров Виталий Михайлович (1917 – 2007)
Оксман Юлиан Григорьевич (1894(5) – 1970)
Ончуков Николай Евгеньевич (1872 – 1942)
Орлов Александр Сергеевич (1871 – 1947)
Орлов Владимир Николаевич (1908 – 1985)

Орлов Павел Александрович (1921 – 1990)
Орлов Серафим Андреевич (1910 – 1980)
Осват Лев Самойлович (1922 – 2009)
Островский Арсений Георгиевич (1897 – 1989)
Паверман Валерий Маркович (1939 – 2008)
Павлинов Сергей Александрович (1951 – 1998)
Павловский Алексей Ильич (1926 – 2004)
Панченко Александр Михайлович (1937 – 2002)
Паперный Зиновий Самойлович (1919 – 1996)
Парникель Борис Борисович (1934 – 2004)
Парфенов Александр Тихонович (1930 – 1996)
Пахомов Николай Павлович (1890 – 1978)
Переверзев Валерьян Федорович (1882 – 1968)
Перетц Владимир Николаевич (1870 – 1935)
Перпер Мира Иосифовна (1918 – 2001)
Перцов Виктор Осипович (1898 – 1980)
Песис Борис Аронович (1901 – 1974)
Песков Алексей Михайлович (1953 – 2009)
Петров Виктор Васильевич (1929 – 1987)
Петров Дмитрий Константинович (1872 – 1925)
Петров Сергей Митрофанович (1905 – 1988)
Петровский Михаил Александрович (1887 – 1940)
Петровский Федор Александрович (1890 – 1978)
Петросов Константин Григорьевич (1920 – 2001)
Петросян Арфо Аветисовна (1909 – 1985)
Петряев Евгений Дмитриевич (1913 – 1987)
Петухов Евгений Вячеславович (1863 – 1948)
Пигарев Кирилл Васильевич (1911 – 1984)
Пиксанов Николай Кирьякович (1878 – 1969)
Пинский Леонид Ефимович (1906 – 1981)
Пинус Евгения Михайловна (1914 – 1984)
Пиотровский Адриан Иванович (1898 – 1938)
Пискунов Владимир Максимович (1925 – 2005)
Плавский Захарий Исаакович (Ицко-Айзикович) (1918 – 2006)
Плоткин Лев Абрамович (1905(6) – 1978)
Подгаецкая Ирина Юрьевна (1934 – 2002)
Позднеев Александр Владимирович (1891 – 1975)
Покровский Михаил Михайлович (1868(9) – 1942)
Покусаев Евграф Иванович (1909 – 1977)
Полонская Клара Петровна (1913 – 2000)
Полоцкая Эмма Артемьевна (1922 – 2007)
Поляк Лидия Моисеевна (1899 – 1992)
Полякова Софья Викторовна (1914 – 1994)
Померанцева (Гофман) Эрна Васильевна (1899 – 1980)

Помирчий Рудольф Евгеньевич (1934 – 1996)
Пономарев Леонид Ипполитович (1885 – 1963)
Попов Александр Николаевич (1881 – 1972)
Попов Андрей Васильевич (1900 – 1966)
Попов Павел Сергеевич (1892 – 1964)
Португалов Михаил Вениаминович (1879 – 1927)
Поселов Геннадий Николаевич (1899 – 1992)
Постнов Юрий (Георгий) Сергеевич (1925 – 1987)
Потапова Злата Михайловна (1918 – 1994)
Прийма Федор Яковлевич (1909 – 1993)
Прокушев Юрий Львович (1920 – 2004)
Пропп Владимир (Герман Вольдемар) Яковлевич (1895 – 1970)
Пруцков Никита Иванович (1910 – 1977)
Прянишников Николай Ефимович (1890 – 1963)
Пугачев Владимир Владимирович (1923 – 1998)
Пузиков Александр Иванович (1911 – 1996)
Пульхритудова Елизавета Михайловна (1931 – 1992)
Пумпянский Лев Васильевич (1894 – 1940)
Пуришев Борис Иванович (1903 – 1989)
Пустовойт Петр Григорьевич (1918 – 2006)
Путилов Борис Николаевич (1919 – 1997)
Путинцев Алексей Михайлович (1880 – 1937)
Путинцев Владимир Александрович (1917 – 1967)
Радциг Сергей Иванович (1882 – 1968)
Разумовская Маргарита Васильевна (1936 – 1999)
Райнов Тимофей Иванович (1888 – 1958)
Ревякин Александр Иванович (1900 – 1983)
Редько Александр Мефодиевич (1866 – 1933)
Резанов Владимир Иванович (1867 – 1936)
Резник Осип Сергеевич (1904 – ?)
Резник Раиса Азарьевна (1915 – 1990)
Резников Леонид Яковлевич (1919 – 1992)
Реизов Борис Георгиевич (1902 – 1981)
Рейсер Соломон Абрамович (1905 – 1989)
Реформатская Надежда Васильевна (1900(1) – 1985)
Ржига Вячеслав Федорович (1883 – 1960)
Ритман-Фетисов Михаил Иванович (1907 – 1960)
Робинсон Андрей Николаевич (1917 – 1993)
Ровда Кирилл Иосифович (1901 – ?)
Рогожин Николай Петрович (1890 – 1962)
Родионов Николай Сергеевич (1889 – 1960)
Розанов Иван Никанорович (1874 – 1959)
Розанов Матвей Никанорович (1858 – 1936)
Розенталь Марк Моисеевич (1906 – 1975)

Роскин Александр Иосифович (1898 – 1941)
Россельс Владимир Михайлович (1914 – 1999)
Рубин Арон Ильич (1888 – 1961)
Рыбникова Мария Александровна (1885 – 1942)
Рыкова Надежда Януарьевна (1901 – 1996)
Рыскин Евсей Исаакович (1903 – 1965)
Саакянц Анна Александровна (1932 – 2002)
Сабуров Андрей Александрович (1902 – 1959)
Саввин Николай Арсеньевич (1878 – 1934)
Саводник Владимир Федорович (1874 – 1940)
Савушкина Нина Ивановна (1929 – 1993)
Савченко Михаил Максимович (1926 – 1992)
Саитов Владимир Иванович (1849 – 1938)
Сакулин Павел Никитич (1868 – 1930)
Салье Михаил Александрович (1899 – 1961)
Самарин Роман Михайлович (1911 – 1974)
Сапогов Вячеслав Александрович (1939 – 1996)
Сахаров Всеволод Иванович (1946 – 2009)
Свободов Александр Николаевич (1884 – 1950)
Святополк-Мирский Дмитрий Петрович (1890 – 1939)
Селиванов Федор Мартынович (1927 – 1990)
Семанова Мария Леонтьевна (1908 – 1996)
Семенко Ирина Михайловна (1921 – 1987)
Семенников Владимир Петрович (1885 – 1936)
Семенов Леонид Петрович (1886 – 1959)
Семибратова Ирина Всеволодовна (1944 – 1995)
Сергеев Михаил Алексеевич (1888 – 1965)
Сергиевский Иван Васильевич (1905 – 1954)
Серебряков Игорь Дмитриевич (1917 – 1998)
Сигал-Жирмунская Нина Александровна (1919 – 1991)
Сидельников Виктор Михайлович (1906 – ?)
Сидяков Лев Сергеевич (1932 – 2006)
Сильман Тамара Исааковна (1909 – 1974)
Сильченко Митрофан Семенович (1898 – 1970)
Симаков Василий Иванович (1879 – 1955)
Симони Павел Константинович (1859 – 1939)
Сиповский Василий Васильевич (1872 – 1930)
Скафтымов Александр Павлович (1890 – 1968)
Скобелев Владислав Петрович (1930 – 2004)
Скрипиль Михаил Осипович (1892 – 1957)
Слинько Анатолий Александрович (1933 – 2002)
Слонимский Александр Леонидович (1881 – 1964)
Смирнов Александр Александрович (1883 – 1962)
Смирнова Людмила Алексеевна (1927 – 2008)

Смирнова Нина Сергеевна (1908 – 1978)
Соболев Юрий Васильевич (1887 – 1940)
Соболевский Алексей Иванович (1856(7) – 1929)
Соболевский Сергей Иванович (1864 – 1963)
Совсун Василий Григорьевич (1899 – ?)
Соймонов Алексей Дмитриевич (1912 – 1995)
Соколов Александр Николаевич (1895 – 1970)
Соколов Алексей Георгиевич (1921 – 2004)
Соколов Борис Матвеевич (1889 – 1930)
Соколов Юрий Матвеевич (1889 – 1941)
Соловьев Геннадий Арсеньевич (1918 – 2003)
Сперанский Михаил Несторович (1863 – 1938)
Спиридонов Василий Спиридонович (1878 – 1952)
Срезневский Всеволод Измайлович (1867 – 1936)
Старцев-Кунин (Старцев) Абель Исаакович (1909 – 2005)
Стахеев Борис Федорович (1924 – 1993)
Стеблин-Каменский Михаил Иванович (1903 – 1981)
Стенник Юрий Владимирович (1935 – 2005)
Степанов Николай Леонидович (1902 – 1972)
Строева Марианна Николаевна (1917 – 2006)
Сумцов Николай Федорович (1854 – 1922)
Сурганов Всеволод Алексеевич (1927 – 1999)
Сухочев Алексей Сергеевич (1928 – 2000)
Сучков Борис Леонтьевич (1917 – 1974)
Тагер Евгений Борисович (1906 – 1984)
Тамарченко Давид Евсеевич (1907 – 1959)
Тарасенков Анатолий Кузьмич (1909 – 1956)
Таратута Евгения Александровна (1912 – 2005)
Творогов Леонид Алексеевич (1900 – 1978)
Тертерян Инна Артуровна (Арташесовна) (1933 – 1986)
Тиандер Карл Федорович (Фридрих) (1873 – 1938)
Тимофеев Леонид Иванович (1903(4) – 1984)
Тимофеева Вера Васильевна (1915 – 2003)
Толстой Иван Иванович (1880 – 1954)
Томашевский Борис Викторович (1890 – 1957)
Томашевский Николай Борисович (1924 – 1992)
Томашевский Юрий Владимирович (1932 – 1995)
Тонков Вячеслав Алексеевич (1903 – 1973, по др. данным 1974)
Топоров Владимир Николаевич (1928 – 2005)
Торопов Андрей Дмитриевич (1851 – 1927)
Травушкин Николай Сергеевич (1916 – 1989)
Тренин Владимир Владимирович (1904 – 1941)
Трескунов Михаил Соломонович (1909 – 2005)
Трифонов Николай Алексеевич (1906 – 2000)

Тронская (Троцкая) Мария Лазаревна (1896(7) – 1987)
Тронский (Троцкий) Иосиф Моисеевич (1897 – 1970)
Трубецкой Борис Алексеевич (1909 – 1998)
Трушкин Василий Прокопьевич (1921 – 1996)
Туниманов Владимир Артемович (1937 – 2006)
Тураев Борис Александрович (1868 – 1920)
Тураев Сергей Васильевич (1911 – 2008)
Турбин Владимир Николаевич (1927 – 1993)
Тынянов Юрий Николаевич (1894 – 1943)
Удодов Борис Тимофеевич (1924 – 2009)
Узин Владимир Самойлович (1877 – 1957)
Урнов Михаил Васильевич (1909 – 1993)
Усакина Татьяна Ивановна (1931 – 1966)
Ухмылова Татьяна Константиновна (1893 – 1970)
Ухов Петр Дмитриевич (1914 – 1962)
Фарбер Леонид Моисеевич (1918 – 1979)
Фатов Николай Николаевич (1887 – 1961)
Фатюшенко Валентин Иванович (1935 – 2006)
Федоренко Николай Трофимович (1912 – 2000)
Федоров Анатолий Алексеевич (1927 – 1985)
Федоров Андрей Венедиктович (1906 – 1997)
Фейнберг-Самойлов Александр Ильич (1947 – 1981)
Фейнберг-Самойлов Илья Львович (1905 – 1979)
Фомин Александр Григорьевич (1887 – 1939)
Финк Лев Адольфович (1916 – 1998)
Финкельштейн Иосиф Лазаревич (1920 – 1980)
Фохт Ульрих Ричардович (Рихардович) (1902 – 1979)
Фрадкин Илья Моисеевич (1914 – 1993)
Фрадкина Сарра Яковлевна (1917 – 2000)
Фрейденберг Ольга Михайловна (1890 – 1955)
Фрид Яков Владимирович (1903 – 1986)
Фридлендер Георгий Михайлович (1915 – 1995)
Фридман Михаил Владимирович (1922 – 2006)
Фридман Николай Владимирович (1911 – 1990)
Фриче Владимир Максимович (1870 – 1929)
Харчев Вячеслав Васильевич (1930 – 2002)
Хлодовский Руф Игоревич (1923 – 2004)
Хмельницкая Тамара Юрьевна (1906 – 1997)
Холшевников Владислав Евгеньевич (1910 – 2000)
Храпченко Михаил Борисович (1904 – 1986)
Цейтлин Александр Григорьевич (1901 – 1962)
Цехновицер Орест Вениаминович (1899 – 1941)
Цинговатов Алексей Яковлевич (1885 – 1943)
Цуринов Константин Валерьянович (1923 – 1982)

Цявловская (Зенгер) Татьяна Григорьевна (1897 – 1978)
Цявловский Мстислав Александрович (1883 – 1947)
Чанцев (Сысоев) Алексей Васильевич (1946 – 2001)
Ченцов Николай Михайлович (1897 – 1941)
Черейский Лазарь Абрамович (1910 – 1989)
Чернышевская Нина Михайловна (1896 – 1975)
Чернышевский Михаил Николаевич (1858 – 1924)
Черняк Яков Захарович (1898 – 1955)
Четунова Наталья Ивановна (1901 – 1983)
Чешихин-Ветринский (Чешихин) Василий Евграфович (1866(7) – 1923)
Чирков Николай Максимович (1891 – 1950)
Чистов Кирилл Васильевич (1919 – 2007)
Чистякова Наталия Александровна (1920 – 2008)
Чичерин Алексей Владимирович (1899(1900) – 1989)
Чичеров Владимир Иванович (1907 – 1957)
Чуваков Вадим Никитич (1931 – 2004)
Чудаков Александр Павлович (1938 – 2005)
Чуприна Ирина Валериановна (1924 – 2000)
Шамбинаго Сергей Константинович (1871 – 1948)
Шамрай Дмитрий Дмитриевич (1886 – 1971)
Шапир Максим Ильич (1962 – 2006)
Шаповалова Галина Григорьевна (1896 – 1995)
Шарыпкин Дмитрий Михайлович (1937 – 1978)
Шахматов Алексей Александрович (1864 – 1920)
Шейнкер Вениамин Наумович (1925 – 2003)
Шеншин Владимир Константинович (1926 – 2001)
Шестаков Дмитрий Петрович (1938 – 1974)
Шестериков Сергей Петрович (1903 – 1941)
Шешуков Степан Иванович (1913 – 1995)
Шилейко Владимир (Вольдемар) Казимирович (1891 – 1930)
Шиллер Франц Петрович (1898 – 1955)
Шишмарев Владимир Федорович (1874 – 1957)
Шкловский Виктор Борисович (1893 – 1984)
Шкунаева Инна Дмитриевна (1923 – 1971)
Шляпкин Илья Александрович (1858 – 1918)
Шгаль Ирина Владимировна (1934 – 2006)
Штейн Абрам Львович (1915 – 2004)
Штокмар Михаил Петрович (1903 – 1965)
Штрайх Соломон Яковлевич (1879 – 1957)
Шгут Сарра Матвеевна (1908 – 1988)
Шубин Лев Алексеевич (1928 – 1983)
Шубин Эдуард Анатольевич (1935 – 1974)
Шувалов Сергей Васильевич (1880 – 1941)
Щеголев Павел Елисеевич (1877 – 1931)

Щербина Владимир Родионович (1908 – 1989)
Эвентов Исаак Станиславович (1910(11) – 1989)
Эйдлин Лев Залманович (1909(10) – 1985)
Эйхенбаум Борис Михайлович (1886 – 1959)
Эйхенгольц Марк Давидович (1889 – 1953)
Эйшикина Надежда Михайловна (1901 – 1994)
Эльзон Михаил Давыдович (1945 – 2006)
Энгельгардт Борис Михайлович (1887 – 1942)
Юшин Петр Федорович (1917 – 1983)
Явчуновский Яков Исаакович (1922 – 1988)
Языков Дмитрий Дмитриевич (1850 – 1918)
Якименко Лев Григорьевич (1921 – 1978)
Яковлев Борис Владимирович (1913 – 1994)
Яковлев Николай Васильевич (1891 – 1981)
Якубинский Лев Петрович (1892 – 1945)
Якубович Дмитрий Петрович (1897 – 1940)
Ямпольский Исаак Григорьевич (1902(3) – 1991)
Яновский Николай Николаевич (1914 – 1990)
Ярхо Борис Исаакович (1889 – 1942)
Ярхо Виктор Ноевич (1920 – 2003)
Яцимирский Александр Иванович (1873 – 1925)

ЛИТЕРАТОРЫ

Абрамов Федор Александрович (1920 – 1983)
Абрамович (осн. псевд. Кадмин) Николай Яковлевич (1881 – 1922)
Авербах Леопольд Леонидович (1903 – 1939)
Адамович Алесь (Александр Михайлович) (1927 – 1994)
Адрианов Сергей Александрович (1871 – 1942)
Аксельрод Ида Исааковна (1872 – 1917)
Аксенов Иван Александрович (1884 – 1935)
Александров Владимир Павлович (1934 – 1992)
Ангарский (Клестов) Николай Семенович (1873 – 1941)
Анненский Иннокентий Федорович (1855 – 1909)
Ахматова (Горенко) Анна Андреевна (1889 – 1966)
Бакинский Виктор Семенович (1907 – 1990)
Балашов Дмитрий Михайлович (1927 – 2000)
Бек Татьяна Александровна (1949 – 2005)
Белый Андрей (Борис Николаевич Бугаев) (1880 – 1934)
Бескин Осип Мартьянович (1892 – 1969)
Бобров Сергей Павлович (1889 – 1971)
Боголюбов Константин Васильевич (1897 – 1975)
Большаков Леонид Наумович (1924 – 2004)

Брюсов Валерий Яковлевич (1873 – 1924)
Буртин Юрий Григорьевич (1932 – 2000)
Веленгурин Николай Федорович (1924 – 1998)
Вересаев (Смидович) Викентий Викентьевич (1867 – 1945)
Верховский Юрий Никандрович (1878 – 1956)
Волынский (Флексер) Аким (Хаим) Львович (1863 – 1926)
Волькенштейн Владимир Михайлович (1883 – 1974)
Воронский Александр Константинович (1884 – 1937)
Выгодский Давид Исаакович (1894 – 1943?)
Галанов (Галантер) Борис Ефимович (1914 – 2000)
Гиппиус Владимир (Вальдемар) Васильевич (1876 – 1941)
Горбачев Георгий Ефимович (1897 – 1942)
Горький Максим (Алексей Максимович Пешков) (1868 – 1936)
Грибанов Борис Тимофеевич (1920 – 2005)
Гриц Теодор Соломонович (1905 – 1959)
Громов Павел Петрович (1914 – 1982)
Гроссман-Рощин Иуда Соломонович (1883 – 1934)
Губер Петр Константинович (1886 – 1941)
Гуревич Любовь Яковлевна (1866 – 1940)
Дедков Игорь Александрович (1934 – 1994)
Деев-Хомяковский Григорий Дмитриевич (1888 – 1946)
Дейч Александр Иосифович (1893 – 1972)
Дивильковский Анатолий Авдеевич (1873 – 1932)
Добин Ефим Семенович (1901 – 1977)
Дымшиц Александр Львович (1910 – 1975)
Ермилов Владимир Владимирович (1904 – 1965)
Ефремин А. (Александр Владимирович Фрейман) (1888 – 1937)
Журбина Евгения Исааковна (1903 – 1988)
Закруткин Виталий Александрович (1908 – 1984)
Залыгин Сергей Павлович (1913 – 2000)
Заславский Давид Иосифович (1880 – 1965)
Ивич Александр (Игнатий Игнатьевич Ивич-Бернштейн) (1900 – 1978)
Каверин (Зильбер) Вениамин Александрович (1902 – 1989)
Калитин (Никитин) Николай Иванович (1902 – 1966)
Каменев (Розенфельд) Лев Борисович (1883 – 1936)
Карабчиевский Юрий Аркадьевич (1938 – 1992)
Кардин Эмиль Владимирович (1921 – 2008)
Керженцев (Лебедев) Платон Михайлович (1881 – 1940)
Кин Цецилия Исааковна (1906 – 1992)
Клейнборт Лев Наумович (Лейб Нахманович Максимович) (1875 – 1950)
Книпович Евгения Федоровна (1898 – 1988)
Ковальчик Евгения Ивановна (1907 – 1953)
Корабельников Григорий Маркович (1904 – ?)
Кошечкин Сергей Петрович (1924 – 2000)

Кранихфельд Владимир Павлович (1865 – 1918)
Кржижановский Сигизмунд Доминикович (1887 – 1950)
Куницын Георгий Иванович (1922 – 1996)
Лазарев (Шиндель) Лазарь Ильич (1924 – 2010)
Левин Лев Ильич (1911 – 1998)
Левин Федор Маркович (1901 – 1972)
Лежнев (Горелик) Абрам Зеликович (Захарович) (1893 – 1938)
Лежнев (Альтшулер) Исаак (Исай) Григорьевич (1891 – 1955)
Лейтес Александр Михайлович (1899 – 1976)
Лелевич Г. (Лабори Гилелевич Калмансон) (1901 – 1945)
Ленин (Ульянов) Владимир Ильич (1870 – 1924)
Лиходзиевский Степан Иванович (1911 – 1979)
Лузгин Михаил Васильевич (1899 – 1942)
Луначарский Анатолий Васильевич (1875 – 1933)
Львов-Рогачевский (Рогачевский) Василий Львович (1873(4) – 1930)
Макарьев Иван Сергеевич (1902 – 1958)
Малахов Сергей Арсеньевич (1902 – 1973)
Маркова Вера Николаевна (1907 – 1995)
Маслов Георгий Владимирович (1895 – 1920)
Мустангова (Рабинович) Евгения Яковлевна (1905 – ?)
Неведомский (Миклашевский) Михаил Петрович (1866 – 1943)
Недорово Николай Владимирович (1882 – 1919)
Нейштадт Владимир Ильич (1898 – 1959)
Новиков Иван Алексеевич (1877 – 1959)
Озеров (Гольдберг) Лев Адольфович (1914 – 1996)
Ольминский (Александров) Михаил Степанович (1863 – 1933)
Осетров Евгений Иванович (1923 – 1993)
Ощеров Сергей Александрович (1931 – 1983)
Паламарчук Петр Георгиевич (1955 – 1998)
Панченко Ольга Николаевна (1948 – 1998)
Плеханов Георгий Валентинович (1856 – 1918)
Поздняев Константин Иванович (1911 – 2001)
Полонский (Гусин) Вячеслав Павлович (1886 – 1932)
Пресс Аркадий (? - ?)
Раевский Николай Алексеевич (1894 – 1988)
Разгон Лев Эммануилович (1908 – 1999)
Розанов Василий Васильевич (1856 – 1919)
Самойлов (Кауфман) Давид Самуилович (1920 – 1990)
Селивановский Алексей Павлович (1900 – 1938)
Серебрянский Марк Исаакович (1900(01) – 1941)
Скорино Людмила Ивановна (1908 – 1999)
Смиренский Борис Викторович (1900 – 1970)
Смиренский Владимир Викторович (1902 – 1977)
Трифонова Тамара Казимировна (1904 – 1962)

Удинцев Борис Дмитриевич (1891 – 1973)
Урбан Адольф Адольфович (1933 – 1989)
Усиевич Елена Феликсовна (1893 – 1968)
Утков Виктор Григорьевич (1912 – 1988)
Файнберг Рахиль Исааковна (1913 – 1987)
Фиш Радий Геннадьевич (1924 – 2000)
Цветаева Марина Ивановна (1892 – 1941)
Чуковская Лидия Корнеевна (1907 – 1996)
Чуковский Корней Иванович (Николай Васильевич Корнейчуков) (1882 – 1969)
Чулков Георгий Иванович (1879 – 1939)
Шагинян Мариэтта Сергеевна (1888 – 1982)
Шенгели Георгий Аркадьевич (1894 – 1956)
Шторм Георгий Петрович (1898 – 1978)
Щеглов Марк Александрович (1925 – 1956)
Энгельгардт Николай Александрович (1867 – 1942)
Югов Алексей Кузьмич (1902 – 1979)

ЭМИГРАНТЫ

Абызов Юрий Иванович (1921 – 2006)
Адамович Георгий Викторович (1892 – 1972)
Айхенвальд Юлий Исаевич (1872 – 1928)
Алданов (Ландау) Марк Александрович (1886 – 1957)
Александрова (Мордвинова) Вера Александровна (1895 – 1966)
Амфитеатров-Кадашев Владимир Александрович (1888 – 1942)
Аничков Евгений Васильевич (1866 – 1937)
Антоний (Храповицкий), митрополит (1863 – 1936)
Арабажин Константин Иванович (1866 – 1929)
Арсеньев Николай Сергеевич (1888 – 1977)
Бахтин Николай Михайлович (1894 – 1950)
Белинков Аркадий Викторович (1921 – 1970)
Бем Альфред Людвигович (1886 – 1945?)
Бердяев Николай Александрович (1874 – 1948)
Бирюков Павел Иванович (1860 – 1931)
Бицилли Петр Михайлович (1879 – 1953)
Браун Федор (Фридрих) Александрович (1862 – 1942)
Вайль Петр Львович (1949 – 2009)
Вейдле Владимир Васильевич (1895 – 1979)
Венгерова Зинаида Афанасьевна (1867 – 1941)
Вышеславцев Борис Петрович (1877 – 1954)
Геллер Михаил Яковлевич (1922 – 1997)
Гофман Модест Людвигович (1887 – 1959)
Григорьев Александр Дмитриевич (1874 – 1940)

Гришин Дмитрий Владимирович (1908 – 1975)
Завадский Сергей Владиславович (Владиславич) (1871 – 1935)
Зайцев Борис Константинович (1881 – 1972)
Зайцев Кирилл Иосифович (архимандрит Константин) (1887 – 1975)
Замятин Евгений Иванович (1884 – 1937)
Зелинский Фаддей Францевич (1859 – 1944)
Зеньковский Василий Васильевич (1881 – 1962)
Иванов Вячеслав Иванович (1866 – 1949)
Иванов-Разумник (Разумник Васильевич Иванов) (1878 – 1946)
Иваск Юрий Павлович (1907 – 1986)
Ильин Владимир Николаевич (1891 – 1974)
Ильин Иван Александрович (1883 – 1954)
Каждан Александр Петрович (1922 – 1997)
Карлинский Семен Аркадьевич (1924 – 2009)
Ковалевский Петр Евграфович (1901 – 1978)
Козовой Вадим Маркович (1937 – 1999)
Копелев Лев Зиновьевич (Залманович) (1912 – 1997)
Крепс Михаил Борисович (1940 – 1994)
Крыжицкий Сергей Павлович (1917 – 2002)
Кулаковский Сергей Юлианович (1892 – 1944, по др. данным 1949)
Кульман Николай Карлович (1871 – 1940)
Курдюмов М. (Мария Александровна Каллаш) (1885 – 1954)
Левицкий Дмитрий Александрович (1907 – 2007)
Лозинский Григорий Леонидович (1889 – 1942)
Лопатко Михаил Иосифович (1892 – 1981)
Лосев Лев Владимирович (1937 – 2009)
Лосский Николай Онуфриевич (1870 – 1965)
Львов Лоллий Иванович (1888 – 1967)
Ляцкий Евгений Александрович (1868 – 1942)
Маркиш Симон (Шимон) Перецович (1931 – 2003)
Мейер Георгий Андреевич (1894 – 1966)
Мережковский Дмитрий Сергеевич (1865 – 1941)
Минский (Виленкин) Николай Максимович (1855 – 1937)
Мишлов Сергей Рудольфович (1870 – 1933, по др. данным 1936)
Мочульский Константин Васильевич (1892 – 1948)
Набоков Владимир Владимирович (1899 – 1977)
Никольский Юрий Александрович (1893 – 1922)
Орлова Раиса Давыдовна (1918 – 1989)
Осоргина Антонина Михайловна (с 1971 – монахиня Серафима) (1901 – 1985)
Оцуп Николай Авдеевич (Авдиевич) (1894 – 1958)
Пахмусс Темира Андреевна (1919 – 2007)
Перемиловский Владимир Владимирович (1880 – ?)
Плетнев Ростислав Владимирович (1903 – 1985)
Погодин Александр Львович (1872 – 1947)

Позов Авраам Самуилович (1890 – 1984)
Ремизов Алексей Михайлович (1877 – 1957)
Ржевский (Суражевский) Леонид Денисович (1905 – 1986)
Рубакин Николай Александрович (1862 – 1946)
Сазонова-Слонимская Юлия Леонидовна (1887 – 1957)
Сечкарев Всеволод Михайлович (1914 – 1998)
Сильверсан Борис Петрович (1883 – 1934)
Синявский Андрей Донатович (1925 – 1997)
Спекторский Евгений Васильевич (1875 – 1951)
Степун Федор Августович (1884 – 1965)
Струве Глеб Петрович (1898 – 1985)
Сумеркин Александр Евгеньевич (1943 – 2006)
Тарановский Кирилл Федорович (1911 – 1993)
Троцкий (Бронштейн) Лев (Лейба) Давидович (1879 – 1940)
Тхоржевский Иван Иванович (1878 – 1951)
Тыркова-Вильямс Ариадна Владимировна (1869 – 1962)
Ульянов Николай Иванович (1904(5) – 1985)
Федина В. (Владимир Степанович Ильяшенко) (1887 – 1970)
Филиппов (Филистинский) Борис Андреевич (1905 – 1991)
Фишер Владимир Михайлович (1885 – 1941?)
Франк Семен Людвигович (1877 – 1950)
Францев Владимир Андреевич (1867 – 1942)
Харджиев Николай Иванович (1903 – 1996)
Ходасевич Владислав Фелицианович (1886 – 1939)
Черкасский Леонид Евсеевич (1925 – 2003)
Чертков Леонид Натанович (1933 – 2000)
Чижевский Дмитрий Иванович (1894 – 1977)
Шаховская Зинаида Николаевна (1906 – 2001)
Шестов (Шварцман) Лев Исаакович (1866 – 1938)
Ширяев Борис Николаевич (1889 – 1959)
Шмаков Геннадий Григорьевич (1940 – 1988)
Штейн Сергей Владимирович (1882 – 1955)
Штейн Эдуард (Эммануил) Алексеевич (1934 – 1999)
Штейнберг Аарон Захарович (1891 – 1975)
Щеглов Юрий Константинович (1937 – 2009)
Эткинд Ефим Григорьевич (1918 – 1999)
Юрьева Зоя Осиповна (1922 – 2000)
Якобсон Анатолий Александрович (1935 – 1978)
Якобсон Роман Осипович (1896 – 1982)

ПРИМЕРЫ СЛОВАРНЫХ СТАТЕЙ

Примеры словарных статей о трех непохожих литературоведах созданы с опорой на сформулированные в проспекте теоретико-методологические принципы. Оформленные в соответствии с «Памяткой автору словарной статьи» (см. далее), эти тексты призваны помочь будущим авторам Словаря в их нелегком труде. При этом важно понимать, что публикуемые статьи представляют не эталонные, а лишь допустимые варианты. Так, статья о Скафтымове в большей степени отличается наличием контекстуальной информации (своеобразных «лирических отступлений»), чем статья об Эйхенбауме. В свою очередь, аналитическая часть статьи о Гершензоне, в отличие от остальных, написана преимущественно в реферативном ключе. Статьи различаются, несмотря на общность теоретико-методологических принципов, что обусловлено индивидуальностью литературоведов – как героев, так и авторов, которые будут рады услышать любые критические замечания, уточнения и пожелания.

***

СКАФТЫМОВ Александр Павлович [28.09 (10.10).1890, с. Столыпино Вольского у. Саратовской губ. – 26.01.1968, г. Саратов], историк рус. лит-ры и критики, фольклорист, теоретик лит-ры. Родился в семье сельского священника, учился в местной духовной семинарии, к-рую не закончил. В 1909–1913 гг. – на историко-филологическом фак. Варшавского ун-та под руководством А.М. Евлахова. С.-студент покорным учеником не был, во многом не соглашался со своим учителем. В адресованном Евлахову письме (1914) критиковал его за «отсутствие самоуглубления, чувства тайны и таинственности в мире и человеческой душе», за крен в сторону материализма, за «недостаток симпатического чувства к чужой душе, к ее интимности», что, однако, не помешало пожизненной дружбе ученика и учителя. До 1917 г. преподавал в гимназиях Астрахани и Саратова. В первой его статье «Лермонтов и Достоевский» (1916) обсуждались серьезнейшие этические проблемы, к-рые составят центр ряда позднейших работ ученого: ценности и опасности жажды самоутверждения; трагизм свободы, порождаемый «двойственностью нравственной природы человека»; необходимость самоограничения. В рец. на кн. о былинах М. Сперанского и Б. Соколова С. утверждал, что

лит-ведению следует сосредоточиться на собственно художественных аспектах изучаемых произведений, чем наука занимается мало.

С 1917 г. С. постоянно жил и работал в Саратове. С 1921 – на каф. рус. лит-ры ун-та, через год – доцент, позже – профессор; на протяжении ряда лет зав. каф. Подавляющее большинство работ С. напечатано в Саратове, в унив. ученых записках; имели место также публ. в Москве, Ленинграде, Праге. В центре внимания С. – отечественная классика XIX в.: Гоголь, Островский, Радищев, Белинский, Чернышевский (ряд статей о его жизни и лит. деятельности), главное же – Достоевский, Толстой, Чехов.

О Достоевском (в 1920-е гг.) написаны две крупномасштабные работы. Статья «Тематическая композиция романа “Идиот”» (1923) являет собой опыт рассмотрения *системы персонажей* романа, в которой раскрыта его художественная концепция. Это обстоятельный разговор о действующих лицах, об их облике, о значимости и весомости каждого в общей концепции произведения. Если М.М. Бахтин говорил о героях Достоевского главным образом как идеологах, то С. сосредоточился на их ориентации в близкой реальности, на их отношениях друг с другом, поступках и микропоступках, на строе их переживаний. Оставаясь строгим аналитиком, ученый говорил о романе языком ярким, живым, эмоционально-окрашенным. Напр.: «Вся эта неутолимая смута в душе каждого персонажа, катастрофические метания, тревога и беспокойство тоскующего духа вращаются и разрешаются в романе вокруг одной тенденции о прощении, то есть об отказе от гордости и возвращении человека к источникам сердца, в свое духовное “домой”». И еще: «Гордость – это запруда любви»; «жаркий пожар личного соревнования», «насыщение тиранического самолюбия»; «луч простодушной веселости»; «неиссякаемое море самолюбия и тихие разливы любви»; «грязь души и ослепительные просветы ее чистоты». В статье «“Записки из подполья” среди публицистики Достоевского» (1926) тщательно рассмотрены сложные соотношения между мыслями героя повести и мироотношением ее автора.

Др. глубоко значимые для ученого фигуры – А.Н.Островский и (в особенности) Л.Н.Толстой и А.П.Чехов. В статье «Белинский и драматургия А.Н.Островского» (1952) С. акцентирует нравственную проблематику пьес писателя, к-рый предстает в его освещении как изобразитель не только «темного царства» всяческих самодуров и деспотов, но и людей со «светлыми запросами» и «чистыми желаниями». Подобно Ап. Григорьеву, он усмотрел в драматургии

Островского (наряду с сугубо негативными явлениями русской жизни) «поэзию подлинной человечности».

На рубеже 1920 – 1930-х гг. ученый посвятил две статьи творчеству Л.Н.Толстого, где речь идет главным образом о соотношениях между естественностью и искусственностью в сознании и поведении героев, к-рые впервые в истории лит-ры «введены в атмосферу обычных пестрых проявлений и оценок» жизни. Здесь, как и в статье об Островском, подчеркивается неистребимость в людях поистине человеческого: голос природы; «живая искренность», «просветы подлинности» так или иначе присутствуют среди всяческих «отклонений, напластований». Они дают о себе знать вопреки широко бытующей «ленивой инертности» и «слепой подчиненности» привычкам и предубеждениям. Глубоко значим и фрагмент из частного письма С. (1952) о «Войне и мире». Это – яркое «микроэссе» о великом романе: «Как-то на днях мне надо было в лекции студентам сказать несколько слов о жизненно-синтезирующей силе Толстого. И вспомнил я, как это у него в “В. и м.” происходит. Вспомнил картины сражений, с треском ружей, дымом пушек, сначала где-то вдаль, а потом около, увидел падающих людей, услышал взвизгивающую раненую лошадь, увидел князя Андрея, шагающего по пыльной полузасохшей траве, увидел, как он сразу упал, раненный в живот... и сейчас же увидел его же, Андрея, слушающего голос Наташи, раздающийся сверху из окна, когда ей хотелось лететь в лунной тишине весенней ночи... вспомнил мороз, визг саней на слякоти... и пр. и пр. И... меня охватило это чувство перекрестно-общей человеческой жизни, с капельками крови на траве под ярким солнцем, с суровостью и ужасом пороха и дыма, с мужеством и незащищенностью падающего солдата и с нежной тихостью домашних комнат и веселого, ожидающего детства».

В статье «Образ Кутузова и философия истории в романе Л.Толстого “Война и мир”» (1959) С. обращается к теме войны в ее нравственном аспекте, что было в середине XX в. напряженно актуальным. Как опорное суждение автора о прославленном рус. полководце приводятся слова: все силы его «были направлены на то, чтобы изгнать французов из России, облегчая... насколько возможно, бедствия народа и войска». Заботу Кутузова о людях ученый, следуя Л.Н.Толстому, связывает с идущим из глубин человеческой природы требованием «включения личной воли... в объективную логику вещей»: активность людей должна сочетаться с «повелительной необходимостью», с верностью императиву гуманности.

О Чехове – ряд статей второй половины 1940-х гг. Наиболее значительная из них – «К вопросу о принципах построения пьес А.П. Чехова» (1948) и «О единстве формы и содержания в “Вишневом саде” А.П.Чехова» (1946). На протяжении более полувека эти статьи сохраняют репутацию лучших работ о пьесах писателя. Ученый утверждал, что в чеховском мире «нет виноватых», стало быть, нет и прямых противников. А потому «нет и не может быть борьбы»: «Виновато сложение обстоятельств, находящихся как бы вне сферы воздействия данных людей». Исследовав новый в лит-ре (не только рус.) тип драматургического конфликта, ученый стимулировал дальнейшую разработку *теории драмы*, ее обновление.

Итоговых суждений о рус. лит-ре XIX в. в работах С. мы не найдем. Но концепция отечественной классики у него была. Ее центр – нравственная жизнь человека и ее коллизии. При этом ученого интересовали и привлекали не моральные установления как таковые и не пафос обличения зла, а сложные, разноплановые связи человека с тем, что его впрямую, непосредственно окружает изо дня в день. Сродное себе он находил не только у Пушкина, Толстого, Достоевского, Островского, Чехова, но и у Чернышевского. Автор романа «Что делать?», считал С., «проникает в бытовую атмосферу» с ее неблагополучиями и человеческими стремлениями. Ученый отмечал внимание писателя к психологической наполненности «бытового, рядового, текущего дня». И в то же время говорил, что предмет художественного освещения в «Что делать?» – не мелочи жизни как таковые, а соотносительность быта со сферой нравственной деятельности человека, с ценностями, выходящими весьма далеко за пределы житейских частных: «Чернышевский ищет воплощения идеала в живом быте».

Рус. лит-ра XIX в. предстает в освещении С. как единое и цельное высказывание о жизни людей обычных, как художественное воплощение последовательно неэлитарного, демократичного в традиционном значении этого слова мироотношения. «Сверхтема» его статей – погранность подлинно человеческого в человеке и одновременно – его неистребимость. Во всем этом ученый близок Д.Е. Максимова как автору работ о Лермонтове и как благодарному почитателю «деревенской прозы» 1970-х гг.

Наследие С. как историка рус. лит-ры XIX в. по объему невелико. Его основные статьи легко помещаются в одну кн., смысловая «плотность» к-рой уникальна. Работы ученого отмечены максимальной оснащенностью фактами. Это и история вопроса, и

контекст журнально-литературной современности писателей, и, главное, безукоризненно тщательное рассмотрение художественных текстов. С. обладал даром немногословия в сочетании с глубиной и ясностью мысли.

Текстам ученого присуща эмоционально-смысловая насыщенность. Нередко имеет место некоторая тяжеловесность высказываний, но скафтымовская речь как целое привлекает своеобразным изяществом, неброским артистизмом. Труды С. – это органический сплав строгой научности с эссеистской непринужденностью и выразительностью. При этом работы ученого о рус. классике XIX в. не имеют ничего общего с ее осовременивающей «переакцентуацией», о к-рой говорил М.М. Бахтин в статье «Слово в романе». Они обращены к первичным, изначальным «пластам» содержания великих творений отечественной лит-ры.

Урко проявил себя С. и в области теоретического лит-ведения, о чем свидетельствуют его ранняя статья «К вопросу о соотношении теоретического и исторического рассмотрения в истории литературы» (1923), отдельные фрагменты историко-литературных работ (в особенности – о Достоевском), частные письма, а также кн. «Поэтика и генезис былины» (1924) – глубокое и многоплановое исследование *жанра былины* как «эстетического целого», к-рое «несет в себе остатки старины» и является «завещанием предков, священным для потомства».

Ученый не написал итоговой работы по теории лит-ры, и это вполне объяснимо: опубликовать то, что он считал нужным сказать, было невозможно. В письме Ю.Г. Оксману (1960) говорится: «Иногда хочется всего себя (методологически) изложить во всей системе, со ссылками и параграфами, с предшественниками и без предшественников... А к чему это? К чему это, когда методология всем молодым работникам заранее во всей готовности задана к обязательному вниманию и выполнению».

В своих теоретико-литературных высказываниях С. акцентирует *рациональный* момент творческой деятельности: ее целенаправленность, сознательную установку автора. Ученый убежден, что художественные смыслы вполне доступны лит-ведам, для них открыты: «Исследователю художественное произведение доступно только в его личном эстетическом опыте. В этом смысле его восприятие субъективно. Но субъективизм не есть произвол. Для того, чтобы понять, нужно уметь отдать себя чужой точке зрения. Нужно честно читать». И тогда лит. произведение окажется понятным *сполна*:

каждая его составная часть, «взятая в охвате всего контекста, будет иметь только одну значимость». Последнее суждение не бесспорно: ведь самому писателю порой не все бывает ясно в его творении. Но в главном С. прав: установка на безусловную объективность исследования художественного целого плодотворна и насущна. С. подходил к творчеству писателей осторожно и бережно, не предлагал каких-либо неожиданных ракурсов видения произведений. У него нет так называемых «смелых гипотез», преувеличений одного за счет другого, претензий на беспрецедентно «новый взгляд».

Во всем этом дает о себе знать противостояние очень многому в лит-ведении первых десятилетий XX в.: и вольной эссеистике в духе символистов, и догматической узости формалистов, фрейдистов, марксистов, о чем С. говорил в письме Оксману (1959): «Все по-разному, но все одинаково безответственно “свое” навязывали автору». От подобных установок он уходил весьма решительно. Правомерно говорить о теоретико-методологическом «самостоянье» ученого, о его независимости от *любых* веяний «малого времени». Это одна из самых крупных фигур (наряду с М.М. Бахтиным, Л.Я. Гинзбург, Д.Е. Максимовым) «внеакадемической ветви» нашего лит-ведения, так или иначе связанной с традицией *герменевтики*.

Др. аспект теоретических штудий С. – рассмотрение *генезиса лит. творчества*. Первоначальная и главная задача ученого, считал он, – это изучение *самых* произведений, а не причин их возникновения: «Начальный шаг познания вещи не есть вопрос о начале самой вещи. Прежде чем спрашивать: почему? – нужно поставить вопрос: что?» Приведем формулировку, завершающую статью «К вопросу о соотношении теоретического и исторического рассмотрения в истории литературы», но почему-то оставшуюся неопубл. (С. вписывал ее от руки в оттисках, к-рые дарил коллегам): «Всякое генетическое рассмотрение объекта должно предваряться постижением его внутренне-конститутивного смысла». Последнее выражение, для нас не очень привычное, может быть переформулировано как постижение художественной целостности произведения.

При этом С. считал, что на вопр. «откуда?» и «почему?» (в отличие от вопроса «что?») сколько-нибудь полн. ответ невозможен в принципе: «Наша восприимчивая способность не может охватить всю полноту закономерно действующих факторов, которые в каждом отдельном случае неисчислимы. Мы ни в какой вещи не можем прийти

до ее конечной причины, потому что нет вещи, у которой была бы одна причина». И (со ссылкой на кн. Э. Гроссе) сказано, что наука должна ограничиваться исследованием закономерности явлений в их общих чертах и может этим удовлетвориться.

В то же время С. подчеркивает *насущность* изучения генезиса лит. фактов и намечает их перспективу: «Факторов, действующих на процесс творчества, много», но «все они подчинены индивидуальности автора». В этом суждении, очень весомом, дала о себе знать *персоналистская* ориентация мысли ученого. При этом личность писателя понимается как разноплановая, нередко противоречивая, главное же – по-разному явленная в жизни и творчестве: «Главнейший генетический вопрос, который сам стучится в наше сознание и должен предстать перед наукой о художественном творчестве, – это вопрос о соотношении между *человеком и художником*» (курсив мой. – В.Х.). Именно такое изучение генезиса предпринято в статье о «Записках из подполья» Достоевского. Здесь особенно важен последний раздел с говорящим названием «Элементы эмпирической личности Достоевского в “Записках из подполья”». Ближайшие и важнейшие генетические корни этой повести ученый усматривает в дисгармонических началах личности автора и его «борении» с ними: «несомненно, Достоевский и сам в себе... многое носил из того ада, который воплощен в герое из подполья». Далее читаем: «Толчки личной стихии Достоевский в себе очень сознавал и, главное, всегда их судил, борол в себе, каялся и никогда не оправдывал. Одно в нем жило как бы насильно, без его воли, одолевало его, и всякое впадение в эту стихию им переживалось как попустительство, как недолжное. Другое (имеются в виду великодушие, доброта, сердечность, пламенный общественный энтузиазм. – В.Х.), наоборот, предстало как святое и желанное».

Скафтымовское понимание генезиса лит. творчества полемично к ряду теоретико-литературных построений, при к-рых художественная деятельность «выводилась» из каких-то надындивидуальных, внеличных факторов, будь то общественные нравы и состояние умов в культурно-исторической школе, влияния и заимствования в компаративистике, «социальная ячейка» у Переверзева или борьба новаторов с эпигонами у формалистов. Уязвимыми С. считал также теории лит. эволюции А.Н. Веселовского и Ф. Брюнетьера. Во всем этом имела место некоторая односторонность (как, вероятно, в любой полемике), но односторонность эта весьма плодотворна: ученым были *впервые*

уяснены границы генетического изучения лит-ры и его центральный аспект: личность автора.

Труды С. в области истории рус. лит-ры, фольклора и теории лит-ры – это, безусловно, явление первого ряда в отечественной науке XX в. Теоретические построения ученого до сих пор не оценены, на его высказывания ссылаются редко, но по сути они весьма актуальны.

В своих филол. трудах С. (не открыто, но по преимуществу косвенно, «подтекстово») проявил себя как своеобразный мыслитель. В юные годы он увлекался философией. Его интересовали Вл. Соловьев как автор книги «Оправдание добра. Нравственная философия», А. Бергсон и Э. Гуссерль, Н.О. Лосский и С.Л. Франк. Хранящийся в саратовском архиве экз. одной из кн. Франка испещрен пометками молодого ученого. С. посещал заседания саратовского Философско-исторического общества (1917 – 1918), к-рое возглавлял Франк и в к-ром участвовали Н.С. Арсеньев, П.М. Бицилли, В.М. Жирмунский (секретарь общества). Вероятно, именно в эту пору С. работал над трактатом о конкретной этике. Из сказанного явствует, что ученый был наследником филосоп. опытов дореволюционной эпохи.

В лит-вед. работах ученого наличествует некий филос. компонент. Знаменательный факт: П.Н. Берков, прочитав статью о толстовском Кутузове, написал автору, что она имеет «философский смысл». То же самое правомерно сказать и о других работах ученого. Свидетельства тому – приведенные выше философски весомые цитаты из статей о Достоевском и Толстом, главное же – запись лекции о Пушкине, в к-рой характеризуются проявившиеся в творчестве великого поэта представления о непререкаемых ценностях свободы человека; говорится о чувстве личности, «бунтующем против всяческих стеснений и цепей»; о том, что неоспоримы права людей на «жизненные наслаждения, веселость и счастье» (заметим, что слово «счастье» в статьях ученого является одним из опорных).

В то же время С. (вслед Пушкину) решительно не приемлет всякого рода подобия раблезианства: «безоглядный гедонизм» людей, не способных «взять на себя бремя» долга и обязанностей, неминуемо ведет их в тупик. При этом самый серьезный и опасный «противовес» подлинной нравственности человека ученый усматривает «не в его грубой и дикой животной элементарности», а в самом его «духовном существе», где могут пребывать «совсем не гармонические, а губительные раздирающие начала». И – о том же в других формулировках (тоже по следам пушкинских представлений и мыслей): «красивое чувство гордой красоты и самоутверждения, если

оно не сдерживается иными духовными силами... несет в себе губительное начало»; имеет место в человеческой реальности «факт естественной бури чувств, в которых люди не властны». И делается вывод, что в существовании людей наличествует «трагический жизненный элемент»; «зло жизни находит себе опору в каких-то первоначальных совершенно естественных источниках человеческой природы».

Говоря об универсальности и неустранимости трагического «компонента» жизни, С. был, однако, весьма далек от пантрагизма в духе А. Шопенгауэра (свидетельство тому – статья о «Палате № 6» и «Моей жизни» Чехова), Ф. Ницше, Л. Шестова. Зло как не знающее границ самоутверждения, отмечает он, во-первых, может и должно быть сдерживаемо разумом и волей человека и, во-вторых, тяготение к нему присуще далеко не всем живущим: во многих из них – «звучание кротости, нежности и заботливости среди всяких ужасов жизни и людского холода».

Процитированные фрагменты записей о Пушкине, сполна отвечающие глубинной сути творчества поэта, вместе с тем являются *дотраиванием* смысла его созданий. В них (как и в скафтымовских статьях о Достоевском и Толстом, Островском и Чехове) художественно-образные значения как бы переводятся на иной, более рациональный (хотя и причастный эссеистике) филологически-философский яз.

Приведенные суждения С. находятся в русле той ветви филос. антропологии XX в., к-рую, опираясь на слова М.М. Бахтина («Философия жизни может быть только нравственной философией») правомерно назвать *нравственно ориентированной философией жизни*.

Философия, о к-рой идет речь, решительно уходит от умозрительно-отвлеченных построений любого рода (онтологических или гносеологических, историософских либо натурфилософских). Ее главный предмет – реальность в ее конкретике, отношение человека к непосредственно близкому, к-рое его к чему-то *обязывает*. Эта реальность закономерно и необходимо включает в себя быт людей, повседневность с ее низменной прозой и поэтически возвышенным началом.

Нравственной философии, помимо С., были причастны (сознательно или невольно) и др. крупные лит-веды XX в.. Так, Л.Я. Гинзбург усматривала в отечественной лит-ре (у А.И. Герцена и в наибольшей мере у Л.Н. Толстого) доминирование «этики долженствования», представлений о всеобщей «нравственной

обязательности», присущих человеку как таковому. Она говорила о переживании общих связей и самого себя как норме существования человека, о «всеобъемлющей ответственности» и ее неразрывной связи со «свободой воли». Философско-нравственную направленность имеют также труды Д.Е. Максимова о Лермонтове, Блоке, Белом; В.Н. Топорова о древнерусской лит-ре, Карамзине, Достоевском; С.Г. Бочарова о Пушкине, Гоголе, Достоевском, Платонове; А.И. Журавлевой о Лермонтове и Островском.

Ценностные ориентации С., как и названных филологов (Л.Я. Гинзбург с ее агностицизмом – исключение) наследовали христианские веления и заповеди. Это впрямую сказалось в статье об «Идиоте» Достоевского («отказ от гордости, простить... и самому принять прощение» и т.п.). При этом мироощущение ученого было начистую свободно от средневеково-церковной аскетике, что явствует из той же статьи: безусловно ценны для него «пронизывающая радость жизни, умиленное благословение счастья жить».

Репутация С. как вузовского педагога была высока не только в Саратове. Говорили, что в столицах подобных ему нет. Это был блистательный лектор, проявлявший пристальное внимание к звучанию речи. Его ораторская установка (в молодости брал уроки по постановке голоса) сопровождалась интонацией свободного собеседования. Ученый вел в ун-те семинар на протяжении нескольких десятилетий. Руководитель предоставлял студентам полн. свободу, не связывая их своей интерпретацией произведения. «Сначала, – говорил он, – надо научиться самостоятельно осмысливать текст, а уже после этого можно привлекать критическую литературу для подтверждения или опровержения собственного мнения». С. «высоко ценил простоту и ясность изложения». Любил цитировать письмо Пушкина Вяземскому: «Пиши просто, ты для этого достаточно умен». Ученики говорили об особой нравственной атмосфере семинарских занятий С. В 1946 – 1948 гг. ученый вел двухгодичный семинар. В первый год никаких индивидуальных работ студенты не писали. Каждый раз давалось общее задание для всех участников семинара. Критическая лит-ра не рекомендовалась. А во втором году – обсуждение студенческих докладов, чему предшествовали индивидуальные консультации, во время к-рых руководитель больше слушал, иногда предостерегая от ошибочного пути.

Сосредоточенность на текущей работе со студентами и аспирантами была у С. гораздо большей, чем на написании статей.

Когда его спросили, почему он не пишет в год по кн., ответил так: «Что вы! Где тут книги писать? Ведь у меня лекции, семинары. А на люди без подготовки разве можно выходить?» Вряд ли есть основания говорить о науч. *шк.* С. Ученый и не стремился, чтобы младшие шли именно по его пути. Лучше, наверное, сказать о *плеяде* его учеников, шедших каждый своей дорогой. В их ряду – Е.И. Покусаев, А.А. Жук, И.В. Чуприна, Л.М. Долотова, Е.П. Никитина и многие др.

Авторитет С. в кругу студентов, аспирантов, преподавателей и в среде саратовской интеллигенции был непререкаем. Ученики и коллеги высказывались о нем как ученом и как человеке в самых высоких тонах. Так, Л.М. Долотова, автор яркой мемуарной статьи о С., говорит о «неустанной работе его ума и совести». И приводит слова о нем Ю.Г. Оксмана: «Интеллигент совсем чеховского типа, чудесная волжская душа».

На протяжении 1920 – 1930-х гг. унив. работа С. протекала благополучно, гонения на гуманитариев его самого не коснулись; в 1947 г. награждается орденом Ленина. Но через два года (пора борьбы с космополитизмом) в «Лит. газ.» (5 окт. 1949 г.) появилась разгромная статья о работе С. «К вопросу о принципах построения пьес А.П. Чехова». После этого на расширенном заседании каф. от него потребовали признания своих ошибок. Ученый ограничился какой-то невнятной фразой. «Было страшно за него. Но ничего – обошлось», – вспоминала Долотова. Пед. работа продолжалась, но унив. атмосфера тяготила С. все больше. В 1960 г. отмечался юбилей ученого. Ю.Г. Оксман, к-рый присутствовал на нем, после отъезда в Москву написал, что во время этого заседания С. выглядел «не как юбиляр, а как военнопленный». В ответ было сказано: «Удивительно метко Вы почувствовали “пленника”». О тяготах несвободы говорилось и в других письмах. Ученый сетовал, что в публикуемые работы приходится включать «подстилочные фразы». Вот еще одно горестное высказывание, тоже из письма Оксману: «нельзя же всюду быть “по установкам”». В этой атмосфере С. нередко замыкался в себе, общение его в полн. мере открытым быть не могло, что сказывалось в поведении и внешнем облике ученого. «Чаще бываю молчалив и нелюдим», – пишет он о себе. Один из учеников вспоминал, что С. иногда «запирал лицо на замок».

Многим деятелям культуры сталинской эпохи (да и более позднего времени) казалось, что все упрочившееся в стране – навсегда. Эту пессимистическую гипотезу С. разделял. Не верил, что его труды понадобятся следующим поколениям: «Конечно, все наше

зарастет новой порослью». В 1966 г. писал: «Мне никогда не думалось, что из моего “посмертного” кому-нибудь что-нибудь понадобится». Это, конечно же, лежало на душе тяжелым грузом. Вот высказывания 1959 г.: «Бродят мысли, но работать... должно быть, уже не смогу». «Кое-что напишу, представлю своего читателя (из незримых и неведомых), и охота сейчас же совсем отпадает».

На долю С. выпало много горестного и в ином роде: в 1935 г. – арест жены, в 1937 – смерть от туберкулеза единственного сына, о последних месяцах жизни к-рого повествует недавно опубл. дневник. Все это вместе (а также ощущение с молодых лет собственной душевной дисгармоничности, о чем свидетельствует дневник 1916 г.), определило трагическое мировосприятие С. В письме 1952 г. читаем: «Для нашего сознания и радость грустна. И все, что создано человеком великого в искусстве... в конце концов звучит страдальчески и трагически».

Вместе с тем ученому было присуще жизнелюбие поистине неистощимое. Из письма 1960 г.: «Играю (на рояле. – В.Х.), читаю, пишу [все-таки], жизнь вижу и чувствую, в мыслях уношусь, – чего же более?» Из другого письма (1959): «Музыканю и от музыки оторваться не могу... Без таких “психозов”, наверное, и жить было бы не так интересно». Говорится и о месяцах отдыха, проводимых среди южной природы: «Ничего нет лучше моря».

С. никогда не стремился быть на виду, он дорожил своей незаметностью, мало и редко бывал в столице. В 1958 г. они с Ю.Г. Оксманом отказались баллотироваться в АН СССР. Большой известности работы ученого при его жизни не обрели, сколько-нибудь широкими кругами филологов они замечены не были. Но имели место многочисленные отклики лит-ведов в письмах к нему, одобрительные и благодарные. С. рассылал ряду людей отски свои статьи. На них живо и от души отзывались Н.К. Гудзий, Г.А. Гуковский, А.И. Белецкий, М.П. Алексеев, Ю.М. Лотман. Вот два высказывания. Г.А. Бялый, проф. ЛГУ: «Без учета сделанного Вами теперь нельзя ни говорить, ни, тем более, писать о Гоголе, о натуральной школе, ни об Островском». Восторженно отнесся к скафтымовской работе о Чехове К.И. Чуковский: «Вы требуете от читателя, чтобы он тоже был хоть отчасти Скафтымовым». Однозначно положительные рец. на его кн. 1958 г. написали Ю.Г. Оксман и Л.Я. Гинзбург. Но, к сожалению, мало кто из филологов следующего поколения знал в те времена о существовании С.

В поздних работах С. (в том числе посвященных Чехову) иногда давали о себе знать некоторая уклончивость и даже компромиссы, к-рые сам ученый называл «подстилочными фразами». Стиль работ, ранее отмеченный эссеизмом, своего рода «художественностью» нередко становился академически сухим. Однако в последней статье (о толстовском Кутузове) С. как литературовед-писатель и мыслитель проявил себя в полн. мере. Неуклонно и твердо противостоял он оказанному лит-ведению советского периода, проявляя себя приверженцем тех высоких ценностей, к-рые составляли первооснову отечественной и классической лит-ры как неотъемлемого звена общеевропейской культуры.

Издания. Собрание сочинений. В 3 т. Самара, 2008 (сюда вошли практически все труды ученого, публиковавшиеся как прижизненно, так и посмертно); Поэтика и генезис былин. Саратов, 1924 (2-е изд. – Саратов, 1994); Жизнь и деятельность Н.Г. Чернышевского. Саратов, 1939 (2-е изд. – Саратов, 1947); Статьи о русской литературе. Саратов, 1958 (рец.: Оксман Ю.Г. – Изв. АН СССР. Отд-ние лит-ры и яз. 1959. Вып. 5; Гинзбург Л.Я. – Вопр. лит-ры. 1959. № 11; Бялый Г.А., Ямпольский И.Г. – Лит-ра и жизнь. 1959. 24 апр.); Нравственные искания русских писателей. Статьи и исследования о русских классиках. М., 1972 (рец.: Роднянская И.Б. – Новый мир. 1974. № 2); Поэтика художественного произведения. М., 2007.

Письма, дневники, мемуары. Из переписки А.П. Скафтымова и Ю.Г. Оксмана // Russian Studies / Ежеквартальник рус. филологии и культуры. СПб., 1995. Т. I. Вып. 2; Письма // Филология. Межвузовский сб. науч. тр. Вып. 2. Саратов, 1998; Дневники 1916 и 1937 гг. // Изв. Саратовского ун-та. Новая сер. Сер. Филология. Журналистика. Вып. 1/2. 2005.

Архивы. Коллекция книг и эпистолярный архив А.П. Скафтымова в фондах Зональной научной библиотеки Саратовского ун-та. Саратов, 1981 (в кн. опубл. биобиблиогр. С.).

Литература. Литературная энциклопедия. Т. 10. М., 1937; Краткая литературная энциклопедия. Т. 6. М., 1971; Ученая жизнь Саратовского философско-исторического общества при Саратовском университете // Акад. центр Наркомпроса. Науч. изв. Сб. статей. Философия. Лит-ра. Искусство. М., 1922; Никитина Е.П. Макаровская Г.В. А.П. Скафтымов // Изв. АН СССР. Сер. лит-ры и яз. 1968. Вып. 4; Бочкарев В.А. Вдохновенный поиск (памяти А.П. Скафтымова) // Ученые записки Саратовского ун-та // Рус. лит-ра. 1968.

№ 3; Покусаев Е.И., Воробьев В.П. А.П. Скафтымов // Филол. науки. 1968. № 4; Аникин В.П. А.П. Скафтымов – критик исторической школы и его теория эпоса в книге «Поэтика и генезис русских былин» // Очерки истории рус. этнографии, фольклористики и антропологии. М., 1974. Вып. VI; Гацак В.М. Фольклор. Поэтическая система. М., 1977; Медведев А.П. Школа нравственного воспитания. К 90-летию со дня рождения А.П. Скафтымова // Волга. 1980. № 11; Куликова Е.Н. Становление методологии А.П. Скафтымова // Методология и методика изучения рус. лит-ры и фольклора: Ученые-педагоги саратовской пед. шк. Саратов, 1984 (там же – воспоминания учеников); Чуприна И.В. Методологические принципы исследований о Толстом // Там же; Никитина Е.П. Научно-педагогическое наследие А.П. Скафтымова и современные проблемы гуманитарного образования // Скафтымовские чтения. Саратов, 1993; Ауэр А.П. Телеологический принцип в исследованиях А.П. Скафтымова // Там же; Долотова Л.М. Учитель // Чеховиана. Чехов в культуре XX века. М., 1993; Тамарченко Н.Д. «Каждый носит в себе свою драму» (Скафтымов – интерпретатор пьес Чехова) // Там же; Никитина Е.П. Умом и сердцем. Биографический очерк деятельности // Филология. Межвузовский сб. науч. тр. Вып. 2. Саратов, 1998; Кривонос Вл.Ш. «Саратовский пленник». А.П. Скафтымов: ученый из провинции // Новое лит. обозрение. 1999. № 38; Никитина Е.П. Пушкинская тема в трудах и днях А.П. Скафтымова // Филология. Межвузовский сб. науч. тр. Вып. 5. Пушкинский. Саратов, 2000; Прозоров В.В. А.П. Скафтымов. Новые материалы к биографии // Изв. Саратовского ун-та. Новая сер. Сер. Филология. Журналистика. Вып. 1/2. 2005; Архангельская В.К. Устные высказывания А.П. Скафтымова 1920-х годов // Там же; Белова Н.М. Проблема реализма в статье А.П. Скафтымова // Там же; Вершинина В.М. Уроки А.П. Скафтымова // Там же; Прозоров В.В. Саратовский текст С.Л. Франка // Франк С.Л. Саратовский текст. Саратов, 2006; Новикова Н.В. А.П. Скафтымов: «Чехов и Толстой» (Постановка проблемы. Подготовительные материалы) // Вестн. С.-Петерб. ун-та. Сер. 9. Филология. Востоковедение. Журналистика. Вып. 3. Ч. II. Сентябрь. 2008; Демченко А.А. Александр Павлович Скафтымов (1890 – 1968) // Демченко А.А. Саратовский гос. ун-т и Н.Г. Чернышевский. Саратов, 2009; Хализев В.Е. «Против течения»: А.П. Скафтымов // Рус. словесность. 2010. № 1.

Хализев Валентин Евгеньевич

ЭЙХЕНБАУМ Борис Михайлович [04 (16).10.1886, г. Красный Смоленской губ. – 24.11.1959, г. Ленинград], теоретик и историк литературы, д-р филол. наук, профессор; текстолог, лит. критик, писатель. Отец и мать Э., оба врачи, Михаил Яковлевич Э. и Надежда Дормидонтовна Глотова, рус. дворянка, дочь адмирала, поженились против воли своих родителей; оставшись без их поддержки, обосновались в Воронеже, где прошло детство Э. и его старшего брата Всеволода (Волина), участника революционных событий 1905 г., впоследствии – крупного деятеля анархо-синдикалистского движения, сподвижника Н.И. Махно. В 1905 г. Э. приезжает в Петербург и поступает в Военно-медицинскую акад., затем – на биологическое отделение Вольной высш. шк. П.Ф. Лесгафта. С 1907 г. Э. учится на историко-филологическом фак. (сначала на романо-германском отделении) Петербургского ун-та и одновременно (до 1909 г.) в Музыкальной шк. Е.П. Рапгофа, не сразу делает выбор в пользу филологии, однако и в последующие годы занятия музыкой остаются насущно важными для него. В 1912 г. Э. окончил славяно-русское отделение Петербургского ун-та. Преподавал лит-ру в гимназии Я.Я. Гуревича, Ин-те живого слова, в 1920-е гг. – в Рос. (затем Гос., позднее Ленинградском) ин-те истории искусств (1920 – 1931), в ЛГУ (1918 – 1949, профессор, зав. каф.), Саратовском гос. ун-те (во время эвакуации из осажденного Ленинграда), работал в ИРЛИ. В числе его студентов – Л.Я. Гинзбург, Б.Я. Бухштаб, А.Г. Бармин, С.А. Рейсер, И.П. Еремин, И.Г. Ямпольский и многие др., впоследствии ставшие известнейшими филологами. Знавшие Э. отмечали в нем благородство, тонкость, ироничность. «Лекции Борис Михайлович читал с тем изяществом, которым отличался весь его облик, его жизненная манера. У него было удивительно острое чувство художественного материала, поэтому на лекциях он любил цитировать. И цитировал он как-то особенно впечатляюще – выражением, интонацией истолковывая концепцию текста» (Л.Я. Гинзбург. Человек за письменным столом. Л., 1989). Отсутствие показного академизма, ложного пиетета к «профессорству», умение принимать критику, внимание к позиции другого – эти качества характеризуют Э. как педагога.

Первая опублик. статья Э. – «Пушкин-поэт и бунт 1825 года (Опыт психологического исследования)» (Вестн. знания. 1907. № 1 – 2). Однако систематически печататься он начинает в конце 1912 г. – сначала как лит. критик.

Э. – участник лит. процесса 1910-х гг. В начале десятилетия он сближается с Цехом поэтов, публикует свои стихи в ж-лах «Аполлон», «Гиперборей», печатается в «Рус. мысли», «Северных записках» и др., газ. «Рус. молва». Наблюдаемое им и происходившее в нач. XX в. сближение филологии с лит. критикой и текущей лит-рой, возможно, определяет и понимание Э. критики как «журнальной науки» (правда, эта формула Э. относится к более позднему времени); в этом Э. не сходится с Ю.Н. Тыняновым, склонным рассматривать критику как часть лит-ры. «Художнику мы не нужны, но нужны искусству, которое хочет быть подлинным творчеством», – пишет Э. («Речь о критике», 1918 г.; цит. по: О литературе. М., 1987). А кн. 1923 г. об А.А. Ахматовой заканчивает таким рассуждением: «Здесь больше беспокойных вопросов, чем решений. Такова, я думаю, должна быть скромная задача критика». Лит. науку с критикой, по мысли Э., «связывает теория» (цит. по: «Мой современник»... Художественная проза и избранные статьи 20 – 30-х годов. СПб., 2001). Критика же должна способствовать «осмыслению, включению в систему» новых лит. явлений. В кругу интересов Э.-критика – западная лит-ра, напр., французская поэзия, рус. и зарубежное лит-ведение, современная рус. поэзия (В.Я. Брюсов, К.Д. Бальмонт) и проза (М.А. Кузмин), французская философия (А. Бергсон). В 1910-е гг. наиболее близкие Э. филологи его поколения – Ю.А. Никольский и В.М. Жирмунский, на кн. к-рого «Немецкий романтизм и современная мистика» (1914) Э. откликнулся сочувственной рец. В ней он, кроме прочего, декларировал завершенность не только символизма, но и акмеизма. Э. отмечает в кн. Жирмунского, что для того «романтизм – не просто “любопытный” объект изучения, не случайно взятая им тема, но родственный ему самому и интимно воспринятый им строй души». Есть основания думать, что и понятия «чувство жизни», и интерес к филос. проблемам Жирмунского близки Э. Можно увидеть в этой рец., как и в др. у Э., единство подхода к лит. и эстетическому движению эпохи, понимание того и др. как единого процесса. Кн. Жирмунского он воспринимает как обоснование и завершение символизма. Отношение же к футуризму у Э. меняется на протяжении 1910-х гг. – от резкого неприятия к все нарастающему вниманию. Постепенно намечается отход от Жирмунского, и наиболее близкими Э. лит-ведами и друзьями на всю оставшуюся жизнь становятся Ю.Н. Тынянов и особенно В.Б. Шкловский. В 1918 г. Э. вступает в ОПОЯЗ.

Методологические поиски Э. в 1910-е гг. связаны с общей для филологов его поколения констатацией кризиса как акад. лит-ведения,

так и «импрессионистической» критики, основывавшейся, по мысли Э., больше на интуиции и вкусе, чем на объективном осмыслении особенностей *поэтики* данного автора и его роли в лит. движении своего времени. Возможно, что и преподавание лит-ры в гимназии раньше, чем у других лит-ведов, породило у Э. ощущение исчерпанности и бесперспективности старых подходов. Э. становится одним из теоретиков так называемого **«формального метода»**. Впрочем, как наиболее точное Э. предлагал определение **«морфологическая школа»**, а в статье «Теория “формального метода”» (Червоний шлях. 1926. № 7 – 8; вошла в его кн.: Литература. Л., 1927) подчеркивал, что «принципиальным для “формалистов”... является вопрос не о методах изучения литературы, а о литературе как *предмете* изучения... Мы говорим... только о некоторых теоретических принципах, подсказанных нам не той или другой готовой методологической или эстетической системой, а изучением конкретного материала в его специфических особенностях» (цит. по: О литературе. М., 1987). Здесь же Э. говорит о «спецификации и конкретизации литературной науки» как главном принципе формального метода.

Э. подчеркивал, что **формальная шк.** не несет ответственности за ее многочисленных «эклектиков и эпигонов». Это было связано с тем, что в широкой критике (особенно лэфовской) многие идеи ученых формальной школы вульгаризировались, а зачастую и искажались. Но и в официальном лит-ведении 1920 – 1930-х гг. даже самый термин «спецификаторство» сначала становился пренебрежительно-бранным, а затем мог служить и нередко служил обвинению в «порочной» методологии.

В 1910-е гг. важными событиями для Э. были выход кн. А. Белого «Символизм», знакомство с тр. А. Бергсона «Восприятие изменчивости»: об этой лекции и «бергсонизме» вообще Э. отзывается печатно дважды: в рец. на рус. изд. кн. Бергсона и – косвенно – в обзоре современной французской прозы (см. Бюллетени лит-ры и жизни. 1913. № 11; Рус. молва. 1913. 28 февр. (13 марта)). И в последующие годы наиболее близкие Э. философы – Бергсон и С.Л. Франк (см. об этом: Ханзен-Леве О.А. Русский формализм. Методологическая реконструкция развития на основе принципа отстранения. М., 2001).

В конце 1910-х – начале 1920-х гг. в кругу науч. интересов Э. – **повествовательные формы** в прозе (особенно *сказ*), границы между поэзией и прозой и особенности стиха как специфической **формы**

художественной речи, роман как особый, «синкретический» жанр и его перспективы в современной лит-ре. Во внимании Э.-теоретика к проблемам специфики искусства (в первую очередь лит-ры) сказались и особенности эстетической мысли этих лет в целом, и осознание им своего опыта как объективно-исторического, т.е. продиктованного не столько своими субъективными склонностями, сколько велением времени, историко-литературной необходимостью. Вместе с тем многие проблемы, ставшие центральными для многих ученых 1920-х гг., были сформулированы им в числе первых, и дальнейшая их разработка др. учеными шла с учетом идей, выдвинутых Э. (часто – в полемике с ним, на что порою как бы и были рассчитаны его статьи, в особенности ранние).

Напр., уже в статье 1917 г. «Иллюзия сказа» и «Как сделана “Шинель” Гоголя» (1919), получившей большее распространение (впервые опубли. в сб. «Поэтика», 1919 г.; вошла в кн. Э. «Сквозь литературу», 1924 г.), начинается изучение сказа в отечественной филологии, и дальнейшие исследователи неизменно «учитывают» концепцию Э., чаще полемизируя с ней, но так или иначе отправляясь от нее. Характеризуя комический сказ Н.В. Гоголя как сказ «воспроизводящий» (цит. по: О прозе. Л., 1969), он определяет сказ как установку на устную речь. Особый интерес представляет мысль о некоей двойной условности сказовой формы, за к-рой «часто как бы скрывается актер, так что сказ приобретает характер игры и композиция определяется не простым сцеплением шуток, а некоторой системой своеобразных мимико-артикуляционных жестов». Именно это положение Э. стало отправной точкой дальнейших размышлений о сказе у М.М. Бахтина и (в прямой полемике с Э.) у В.В. Виноградова (напр., «О задачах стилистики. Наблюдения над стилем “Жития протопопа Аввакума”», 1922 г.), воспринявшего, впрочем, идею Э. об особой условности сказовой формы, ее «игровом» моменте. Предметом же особого внимания у Э. (и, безусловно, в связи с его работами – у Ю.Н. Тынянова) стала «физиологическая осязаемость слова», его «жестовая сила» (Тынянов), особая интонация. В работах Э. проблема сказа – и в этом, в частности, проявилось новаторство Э.-теоретика – впервые была рассмотрена в связи с вопр. **композиции** лит. произведения, вводилось понятие «личного тона автора». Степень его присутствия становится основным вопр. композиции; предвосхищая идею М.М. Бахтина о структурном родстве **стилизации** и сказа, Э. во многом подготовил дальнейшее изучение сказа. Правда, при этом он (что характерно для раннего Э.) отказывал

лит. произведению в свойстве быть «отражением душевной эмпирики автора».

Подводя итог деятельности ОПОЯЗа, Э. писал в статье «Теория “формального метода”»: «Проблема изучения прозы была, таким образом, сдвинута с мертвой точки. Определилась разница между понятием сюжета как конструкции и понятием фабулы как материала; выяснились типичные приемы сюжетосложения, благодаря чему открывалась перспектива для работы над историей и теорией романа; рядом с этим выдвинулась проблема сказа как конструктивного принципа внесюжетной новеллы. Влияние этих работ сказалось на целом ряде исследований, появившихся за последние годы и принадлежащих лицам, непосредственно с ОПОЯЗом не связанным» (цит. по: О литературе. М., 1987). Но помимо сугубо лит-ведческих тр., плодотворным было до сих пор еще не изученное влияние идей Э. и на современную ему критику: напр., И. Груздев вводил в обиход лит. критики классификацию повествовательных форм.

Обращается к сказу Э. и в др. работах – в статье «Лесков и современная проза» (вошла в кн. «Литература», 1927 г.) и более поздних. В теоретическом плане для него важен сказ в связи с идеей – построить *теорию прозы* как систему различных форм повествования. В этом смысле продуктивным оказалось выделение двух типов прозы: повествование, ориентированное на «книжный характер», и, с др. стороны, «имеющее установку на устное рассказывание» (цит. по: О литературе. М., 1987). Сказ Э. представляется перспективной для современной прозы формой, однако, по его мнению, «важен не сказ сам по себе, а установка на слово, на интонацию, на голос». И особенность современной прозы в целом Э. видит в том, что центр тяжести в ней переносится с *фабулы* на повествовательное слово.

Предчувствуя рождение новых форм в лит-ре, Э. подходит с этим ожиданием и к современной поэзии. Рец. на кн. А.А. Ахматовой «Подорожник» он назвал «Роман-лирика» (Вестн. лит-ры. 1921. № 6 – 7). Еще в 1910-е гг. поэты и критики обращали внимание на то, что многие стихотворения Ахматовой сюжетны в том смысле, в каком принято говорить о *сюжете* в прозе, писали о *психологизме*, также идущем у Ахматовой от рус. романа XIX в. Но Э. одним из первых, если не раньше др., определил новое угадываемое им качество лит-ры XX в. – взаимопроникновение поэзии и прозы: установка на «звучащее» слово, орнаментальность, вообще усиление «словесного

плана» (Тынянов) – в прозе, а с др. стороны – прочтение *лирики* Ахматовой как современного *романа* (впервые эту идею высказал, по-видимому, Вас. Гиппиус). Почти одновременно с Э. сходные положения о «романе новой, еще не рожденной формации» в связи с поэзией А.А. Блока появляются в статье Тынянова «Блок» (1921).

В кн. 1923 г. «Анна Ахматова. Опыт анализа» Э. интересуют уже др. проблемы. Он предпринимает многостороннее исследование поэзии Ахматовой: с одной стороны, ставит «вопрос о современной поэзии в целом – об ее возможностях и стремлениях», с др. – обращается к проблеме поэтического стиля, соотношению «стихии ритма» и «стихий слова». Для ахматовского *стиха*, по мысли Э., характерна не столько «словесная инструментовка», сколько скорее особый *поэтический синтаксис*, интонация, система артикулирования. При этом Э. оговаривается, что считает эту свою кн. литературно-критической, а не лит-ведческой: она, по мысли ученого, скорее формулирует вопр., чем разрешает их.

Э. работает и в области *стиховедения*: в 1922 г. вышла его «Мелодика русского лирического стиха», в к-рой он ставит задачу: «разработать мелодику как отдел теоретической поэтики». Методологически продуктивной оказалась позиция Э. – утверждение «родства» поэтики и лингвистики в период, когда общими в филологии были скорее тенденции к размежеванию. Правда, в кн. об Ахматовой Э. задумывается о «принципиальном различии между лингвистикой, как наукой о языке, и поэтикой, как наукой о словесных стилях». Здесь можно видеть предвосхищение методологических споров второй половины 1920-х гг. о предмете и границах лит-ведения и лингвистики, а кроме того, продуктивность такого подхода, когда две науки не столько противопоставляются одна другой, сколько взаимодействуют. Значение этой работы Э. и в том, что, как он справедливо писал, «попутно с теоретическим анализом намечается и процесс развития мелодических приемов в русской лирике XIX в.». Такой подход, предполагающий соединение теории и истории лит-ры, показал свою плодотворность в творчестве и позднейших исследователей (в первую очередь у Л.Я. Гинзбург).

Теоретическая новизна работы Э. была в том, что он искал ключ к пониманию *поэтического стиля* в связи *ритма*, звуковой *инструментовки* и «стихотворного синтаксиса». «Мелодику» он исследует как «развернутую систему интонирования», определяющую и *композицию* стихотворения. С этой точки зрения (по «интонационному принципу деления») Э. намечает три типа в лирике: декламационный

(риторический), напевный и говорной. В более поздних работах о Н.А. Некрасове Э. впервые показал новаторство поэта в области стиховой интонации, многообразии его интонационных приемов; в то же время и сами исследования Э. о Некрасове были новаторскими и легли в основу многих позднейших тр. о его поэзии. А мысль Э. о созидательном начале в творчестве Некрасова (наряду с отрицанием традиции) может быть отнесена и к самому Э.

Можно увидеть методологическое единство позиции Э.: в статье 1923 г. «Лермонтов как историко-литературная проблема» (Атеней. Кн. 1 – 2. Пг., 1924) он вновь подчиняет широкий историко-литературный материал единой задаче: «Подлинный Лермонтов есть Лермонтов, *понятый исторически* – как сила, входящая в общую динамику своей эпохи, а тем самым – и в историю вообще. Мы изучаем *историческую индивидуальность*, как она выражена в творчестве, а не индивидуальность природную (психо-физическую), для изучения которой должны привлекаться совсем другие материалы». Поэзию Лермонтова Э. рассматривает как своего рода ист. дело, или, иначе, намечает объективное место поэтической системы Лермонтова в лит-ре его эпохи. По такому же принципу Э. строит и свои работы о Некрасове, определяя объективно-историческую функцию его поэзии в процессах, происходивших в лит-ре некрасовского времени в целом. Так он подходит и к творчеству писателей XX в. – М. Горького, А.А. Блока. «История имела особые виды на Горького... Трагическое сознание, в котором была сила Блока, неизбежно приводит к гибели – и тем вернее, чем героичнее это сознание. А в истории есть эпохи, когда нужны люди, которые не столько думают об истине, сколько верят в разумность человечества и представляют себе будущее не как трагическую безысходность, а как апофеоз разума. Если истина одна, то Блок – ее безумный рыцарь, а Горький – ее верный слуга» (цит. по: «Мой современник»... Художественная проза и избранные статьи 20 – 30-х годов. СПб., 2001). В этом ходе размышлений выразился своеобразный «исторический фатализм» Э., но зато такой подход, оказавшись он воспринят современным Э. лит-ведением, позволил бы преодолеть как узко понимаемый биографизм, так и вульгарное восприятие художника как «продукта» своей эпохи (чем не раз грешили и предшественники, и в особенности современники Э). Во всяком случае очевидно, что упрекать Э. в отсутствии историзма (как это многократно делалось его оппонентами и при его жизни, и после смерти) значит не видеть очень важной стороны в его работе, к-рая

была, как выяснило время, в высшей степени плодотворной. «Жизнь литературных форм и стилей» становится предметом изучения многих лит-ведов во второй половине XX в.

Назвав статью о М.Ю. Лермонтове 1923 г. «сценарием книги» (в дарственной надписи Б.К. Лившицу от 13.11.27 – экз. б-ки ИМЛИ), Э. затем выпускает кн. «Лермонтов. Опыт историко-литературной оценки» (1924), где обстоятельно прослеживает эволюцию Лермонтова от ранней лирики до «Героя нашего времени» – и вновь в контексте развития рус. поэзии и прозы 30-х гг. XIX в. В кн. о Лермонтове, как и в др., проявились блеск научно-творческой работы Э., его изящный полемизм. На протяжении многих лет Лермонтов и Лев Толстой становятся главными и постоянными «героями» разносторонних штудий Э. – историка лит-ры. Под его ред. в 1939 – 1940 гг. выходит полн. собр. соч. Лермонтова.

Э. обладал писательским талантом и даром науч. прозы. В 1933 г. вышел его роман «Маршрут в бессмертие. Жизнь и подвиги чухломского дворянина и международного лексикографа Николая Петровича Макарова», а несколькими годами раньше – кн., пожалуй, не имеющая аналогов, – «Мой современник» (1929), построенная по принципу ж-ла (с разделами стихов, автобиогр. прозы, статей и т.д.), однако написанного одним автором.

В кн. Э. о Л.Н. Толстом соединились его многообразные научно-творческие искания: теория *лит. быта* (см. статью «Литературный быт»; впервые опубл. в 1927 г. в № 9 ж-ла «На лит. посту» под загл. «Литература и литературный быт») своеобразно преломляется в наблюдениях над стилем Толстого, напр., начала 1860-х гг.; вводится понятие «исторического поведения» писателя; в то же время одна из глав названа «Толстой вне литературы» (Лев Толстой. Книга вторая. Шестидесятые годы. Л. – М., 1931); главное же, что занимает исследователя, – «вопрос о позиции Толстого и об ее изменениях». Третий том исследования «Лев Толстой. Семидесятые годы» вышел уже после смерти Э., в 1960 г. Над четвертым томом Э. работал в блокадном Ленинграде. Портфель с рукописью был украден во время эвакуации, на берегу Ладожского озера, когда стоял на земле: от истощения ученый не мог держать его в руках. Помимо работы над кн. о Толстом, в Ленинграде Э. выступает с лекциями, в том числе по ленинградскому радио.

Из Саратова, куда Э. был эвакуирован, он ненадолго приезжает в Москву в тщетной надежде узнать о судьбе младшего сына, пропавшего без вести на сталинградском фронте. (Старший сын

Э. умер еще ребенком, долгая жизнь была суждена лишь средней дочери). В Москве Э. в последний раз встречается со смертельно больным Ю.Н. Тыняновым.

Э. – блестящий текстолог, под его ред. и с его коммент. выходили соч. Н.В. Гоголя, М.Ю. Лермонтова, Н.С. Лескова, Я.П. Полонского, М.Е. Салтыкова-Щедрина, Л.Н. Толстого, И.С. Тургенева и др. Во многом он заложил принципы современной *текстологии*.

В 1946 г. Э. тяжело переживает постановление ЦК «О журналах “Звезда” и “Ленинград”» (в «Звезде» в 1945 г. была, в частности, напечатана его статья, посвященная лит. критике, – «Поговорим о нашем ремесле»); ему ставят в вину тр. об Ахматовой. В том же 1946 г. умирает жена Э.; сам он переживает микроинфаркт, а в 1948 г. – тяжелый инфаркт. Во время болезни Э. увольняют в 1949 г. с должности зав. каф., из ЛГУ и ИРЛИ; после двух статей-доносов, предваривших увольнение, Э. был внутренне готов и к аресту. Оставшись без заработка, он тем не менее не оставлял науч. работы. Лишь в 1956 г. Э. был вновь принят в ИРЛИ.

Умер Э., сойдя со сцены после своего выступления, – это было вступ. слово на вечере скетчей А. Мариенгофа в Доме писателей.

Издания. Мелодика русского лирического стиха. Пб., 1922 (рец.: Жирмунский В.М. Мелодика стиха (По поводу книги Б.М. Эйхенбаума «Мелодика стиха», Пб., 1922) // Мысль. 1922. № 3; то же в кн.: Жирмунский В.М. Теория литературы. Поэтика. Стилистика. Л., 1977); Молодой Толстой. Пб. – Берлин, 1922; Анна Ахматова. Опыт анализа. Пг., 1923; Лермонтов. Опыт историко-литературной оценки. Л., 1924 (рец.: Переверзев В.Ф. – Печать и революция. 1925. Кн. 1); Сквозь литературу. Сб. статей. Л., 1924 (рец.: Винокур Г.О. – Рус. современник. 1924. Кн. 2; Силлов В. – Леф. 1924. № 2; Переверзев В.Ф. – Печать и революция. 1925. Кн. 1); Литература. Теория. Критика. Полемика. Л., 1927; Мой современник. Словесность, наука, критика, смесь. Л., 1929; Лев Толстой. Кн. 1 – 2. Л. – М., 1928 – 1931; Маршрут в бессмертие. Жизнь и подвиги чухломского дворянина и международного лексикографа Николая Петровича Макарова. М., 1933; М.Ю. Лермонтов. М. – Л., 1936; Михаил Юрьевич Лермонтов. М., 1947; Лев Толстой. Семидесятые годы. Л., 1960 (2-е изд. – Л., 1974); Статьи о Лермонтове. М. – Л., 1961; О прозе. Сб. статей. Л., 1969; О поэзии. Л., 1969 (в кн. опубл. библиогр. работ Э. о поэзии); О прозе. О поэзии: Сб. статей. Л., 1986 (рец.: Дмитренко С.

Воля к цельности // Вопр. лит-ры. 1988. № 9); О литературе: Работы разных лет. М., 1987 (рец.: Немзер А. Новый Эйхенбаум // Новый мир. 1988. № 4; Юхт В. Свободный шаг // Лит. обозрение. 1988. № 11; Дмитренко С. Воля к цельности // Вопр. лит-ры. 1988. № 9); Мой современник. Маршрут в бессмертие. М., 2001 (рец.: Немзер А. Занимательная филология // Время новостей. 2001. 20 февр.); «Мой современник»... Художественная проза и избранные статьи 20 – 30-х годов. СПб., 2001 (рец.: Золотоносов М. Потаенный Эйхенбаум // Московские новости. 2001. 5 сент.); Лев Толстой: Исследования. Статьи. СПб., 2010. *Редактирование, составление и подготовка к печати*: Русская проза. Сб. статей. Л., 1926; Поэтика кино. М., 1927; Русская поэзия XIX века. Сб. статей. Л., 1929.

Статьи. Вокруг вопроса о «формалистах» // Печать и революция. 1925. № 5; Поэзия и проза // Ученые записки Тартуского гос. ун-та. 1971. Вып. 284 (публ. работы 1920 г. с предисл. «Доклад Б.М. Эйхенбаума о поэзии и прозе» и примеч. Ю.М. Лотмана); Об инсценировке «Войны и мира» // Вопр. лит-ры. 1972. № 11 (публ. выступления Э. по Ленинградскому радио в декабре 1941 г. с предисл. А.И. Рубашкина); У микрофона профессор Б.М. Эйхенбаум // Ленинградская панорама. Литературно-критический сб. Л., 1988 (публ. выступления Э. по Ленинградскому радио во время войны с предисл. и примеч. А.И. Рубашкина); «Беседа о формальном методе» в петроградской Вольной философской ассоциации 10 декабря 1922 года // Звезда. 2004. № 8 (среди пр. публикуются фрагменты выступления Э.).

Письма, дневники, мемуары. «Мучительно работаю над статьей о Толстом...» // Вопр. лит-ры. 1978. № 3; Работа над Толстым. Б.М. Эйхенбаум: Из дневников 1926 – 1959 гг. // Контекст-1981. М., 1982; Из переписки Ю. Тынянова и Б. Эйхенбаума с В. Шкловским // Вопр. лит-ры. 1984. № 12; «Цель человеческой жизни – творчество» (Письма Б.М. Эйхенбаума к родным) // Встречи с прошлым. Вып. 5. М., 1984; Письма Б.М. Эйхенбаума к родителям (1905 – 1911) // *Revue des études slaves*. 1985. Vol. 57. Fasc. 1; «Совесть, любовь, ответственность...» // Лит. Россия. 1986. 26 сент. № 39 (из переписки Э., В.Б. Шкловского, Ю.Н. Тынянова 1927 – 1931); Ласунский О. Город для всей жизни: Б.М. Эйхенбаум в документах и письмах. (К 100-летию со дня рождения филолога) // Подъем. 1986. № 9; Из писем к В.Б. Шкловскому // Нева. 1987. № 5; Переписка Б.М. Эйхенбаума и В.М. Жирмунского // Тыняновский сб. Третьи Тыняновские чтения. Рига, 1988; Из писем Б.М. Эйхенбаума к Г.Л. Эйхлеру // Пятые

Тыняновские чтения. Рига, 1990; «Будущее – неизвестно...»: Из дневников Эйхенбаума 1917 – 1918 гг. // Коммунист. 1991. № 5; Дичаров З.Л. Такие современные строки...: Об одном письме Б.М. Эйхенбаума // Рус. лит.-ра. 1992. № 2; Дневник 1917 – 1918 гг. // De Visu. 1993. № 1; Дневник 1946 года // Петербургский ж-л. 1993. № 1/2; Письма Б.М. Эйхенбаума и Ю.П. Анненкова к А.А. Ахматовой // Филол. записки. 1993. Вып. 1; «Я иду с туза»: Из переписки Виктора Шкловского с Борисом Эйхенбаумом // Новое лит. обозрение. 1994. № 6; Письма Б.М. Эйхенбаума к А.С. Долинину // Звезда. 1996. № 5; Письма к брату Всеволоду (1902 – 1903) // Филол. записки. 1997. Вып. 8; Из разговоров с Б.М. Эйхенбаумом; Письма Б.М. Эйхенбаума к Ю.А. Бережновой (1949 – 1959 гг.) // Звезда. 1997. № 10; Страницы дневника: Материалы к биографии Б.М. Эйхенбаума. Дневник 1923 – 1924 гг. // Филол. записки. 1997. Вып. 8 (продолжение – там же. 1998. Вып. 10, 11).

Архивы. РГАЛИ (ф. 1527).

Литература. Краткая литературная энциклопедия. Т. 8. М., 1975; [Некролог] // Лит. газ. 1959. 26 нояб.; Берков П.Н. Борис Михайлович Эйхенбаум // Ученые записки Ленинградского ун-та. № 295. Сер. филол. наук. 1960. Вып. 58 (публ. материалов для библиогр. печатных работ Э. – 378 названий); Вильчинский В.П. Борис Михайлович Эйхенбаум // Изв. АН СССР. Отд-ние лит.-ры и яз. 1960. Вып. 1; Шкловский В.Б. Борис Эйхенбаум // Шкловский В.Б. Тетива. О несходстве сходного. М., 1970; Андроников И.Л. Путь Эйхенбаума // Андроников И.Л. Избранные произведения. В 2 т. М., 1975; Эткинд Е. Фридрих Шиллер в творчестве Б.М. Эйхенбаума // *Revue des études slaves*. 1985. Vol. 57. Fasc. 1; Гинзбург Л. Энергия творческого ума: К 100-летию со дня рождения Б.М. Эйхенбаума // Лит. газ. 1986. 29 окт.; Бялый Г. Б.М. Эйхенбаум – историк литературы // Звезда. 1986. № 10; Чудакова М.О. Социальная практика, филологическая рефлексия и литература в научной биографии Эйхенбаума и Тынянова // Тыняновский сб. Вторые Тыняновские чтения. Рига, 1986; Чудакова М., Годдес Е. Страницы научной биографии Б.М. Эйхенбаума // *Вопр. лит.-ры*. 1987. № 1; Хан А. Оценка поэтической ситуации 1910-х годов в литературной концепции В. Жирмунского и Б. Эйхенбаума // *Studia Slavica Hungarica*. 1987. Т. 33. Fasc. 1/4; Каверин В.А. Литератор. Дневники и письма. М., 1988; Гинзбург Л.Я. Человек за письменным столом. Л., 1989; Маймин Е. Борис Михайлович Эйхенбаум. (Из воспоминаний о лит.-веде и критике) // *Лит. обозрение*. 1990. № 5; Гинзбург Л.Я.

Претворение опыта. Л., 1991; Шимаков-Рейфер Я. Литературоведение как игра // К проблемам истории рус. лит-ры XX в. Краков, 1992; Subbotin S. Борис Эйхенбаум о Сергее Есенине в 1926 – 1927 годах // Revue des études slaves. 1995. Vol. 67. Fasc. 1; Эрлих В. Русский формализм: история и теория. СПб., 1996; Депретто К. Петербургский университет и серебряный век // Санкт-Петербург: Окно в Россию 1900 – 1935. СПб., 1997; Азадовский К., Егоров Б. «Космополиты» // Новое лит. обозрение. 1999. № 36; Лотман Ю.М. Воспоминания // Егоров Б.Ф. Жизнь и творчество Ю.М. Лотмана. М., 1999; Шубинский В. Железный кузнечик (О жизни и сочинениях аббата д'Эрбле) // Эйхенбаум Б.М. «Мой современник»... Художественная проза и избранные статьи 20 – 30-х годов. СПб., 2001; Якобсон Р. Борис Михайлович Эйхенбаум (4 октября 1886 – 24 ноября 1959) // Там же; 80-летие Б.М. Эйхенбаума в ИРЛИ // Там же; Из воспоминаний О.Б. Эйхенбаум // Там же; Левченко Я.С. «Мой современник» Бориса Эйхенбаума и поэтика истории // Культура ист. памяти. Петрозаводск, 2002; Тоддес Е.А. Б.М. Эйхенбаум в 30 – 50-е годы (К истории советского литературоведения и советской гуманитарной интеллигенции) // Тыняновский сб. Девятые Тыняновские чтения. М., 2002; Кертис Дж. Борис Эйхенбаум: его страна, семья и русская литература. СПб., 2004; Зенкин С. Открытие «быта» русскими формалистами // Лотмановский сб. 3. М., 2004; Лотман Л. Воспоминания. СПб., 2007; Сухих И. Толстой Эйхенбаума: энергия постижения (1919 – 1959) // Нева. 2009. № 4; Pomorska K. Russian Formalist Theory and Its Poetic Ambiance. Hague – Paris, 1968; Steiner P. Russian Formalism. A Meta-poetic. Ithaca (N.Y.), 1984; Galan F.W. Film and form: Notes on Boris Eichenbaum's stylistics of cinema // Russian literature. 1986. Vol. 19. № 2; Any C.J. Boris Eikhenbaum. Voices of a Russian Formalist. Stanford, 1994; Eisen S.D. Politics, poetics and profession: Viktor Shklovsky, Boris Eikhenbaum and the understanding of literature (1919 – 1936). Stanford, 1994; Aucouturier M. Le formalisme russe. Paris, 1994.

Орлова Екатерина Иосифовна

ГЕРШЕНЗОН Михаил Осипович (Мейлих Иосифович) [01 (13).07.1869, г. Кишинев – 19.02.1925, г. Москва], историк рус. лит-ры и общественной мысли, философ, публицист, переводчик. Начальное образование получил в Кишиневе – в частном училище, прогимназии, гимназии (1883 – 1887). В 1887 – 1889 гг. жил в Берлине, учился в Шарлотенбургском политехникуме и слушал в ун-

те лекции по истории и философии. В 1889 г. получил министерское разрешение на поступление в Московский ун-т, к-рый окончил по историко-филол. фак. в 1894 г. Принадлежность к иудейскому вероисповеданию в условиях того времени закрывала Г. акад. карьеру. С 1893 г. он сотрудничает в «Настольном энциклопедическом словаре братьев Гранат»; в № 1 ж-ла «Рус. мысль» за 1894 г. опубли. его первая (анонимная) рец. на ист. тр. Н.И. Кареева; много переводит.

До революции Г. был активным сотрудником периодических изд. С 1904 г. он состоял ред. лит. отдела ж-ла «Науч. слово», в 1906 – 1907 гг. был ред. отдела в ж-ле «Критическое обозрение»; в 1907 г. заведовал лит. отделом ж-ла «Вестн. Европы», в к-ром вел ежемесячные лит. обозрения. В марте 1917 г. Г. был одним из организаторов Клуба московских писателей, ставшим впоследствии Московским профессиональным союзом писателей. «Одним из главных создателей союза и его первым председателем был М.О. Гершензон» (М.А. Осоргин. Воспоминания. Повесть о сестре. Воронеж, 1992). Из материалов ГАРФ известно, что с осени 1918 до 1921 г. Г. служит в Наркомпросе (историко-театральная и лит. секции), Центрархиве (1920 – 1922), с 1922 г. – зав. лит. секцией РАХН (ГАХН), с 1923 г. – член правления ГАХН.

Первые лит. статьи Г. появились в 1900 г. в ж-лах «Вестн. Европы» («Из переписки Чаадаева 1845») (№ 12) и «Мир божий» («Доктор Вернер из “Героя нашего времени”») (№ 12). В 1902 г. в ж-ле «Рус. мысль» вышло две историко-литературные работы Г.: «Русские писатели в их переписке. Герцен и Огарев» (№ 11), «Н.В. Гоголь, Т. Шевченко, Д.В. Григорович, А.И. Герцен, Н.А. Некрасов в переписке о доме Кетчера» (№ 12). Свою речь в ГАХН на вечере памяти Г. 6 марта 1925 г. Л.П. Гроссман назвал «Гершензон – писатель». В ней последовательно обозначены лит. путь Г. и его отличительные особенности: «Ученый, историк, мыслитель, критик, исследователь, редактор – вот обычные предикаты М.О. Гершензона. Между тем над всеми ими, думается нам, должно господствовать другое определение... Художник слова, мастер повествовательного стиля, создатель нового литературного жанра художественной биографии, истории-повести, монографии-новеллы и даже общественной хроники, граничащей с психологической драмой, М.О. Гершензон, при всех своих огромных научных заслугах, принадлежит, прежде всего, литературе» (здесь и далее цит. по: Михаил Гершензон. Избранное. М. – Иерусалим, 2000. Т. 1). Гроссман называет Г. «первоклассным словесным живописцем», к-рый развивает перед читателем «широкие общественные фрески или замкнутые индивидуальные портреты». Его кн., по мнению

Гроссмана, – «не являются серией картин или собранием материалов. Их поднимают, двигают и охватывают обширные и целостные творческие раздумия». Можно сравнивать их с поэмой, трагедией или филос. романом, где отражается это единство замысла и цельное мирозерцание в борьбе и столкновении идей. Это особенно проявилось в трех кн. Г.: «П.Я. Чаадаев. Жизнь и мышление» (1908), «Жизнь В.С. Печерина» (1910), «Декабрист Кривцов и его братья» (1914). «От канонического типа биографий, – по мнению Гроссмана, – их отличает острый драматизм основной темы, хотя и сосредоточенной целиком на внутренних конфликтах личности». Практически во всех историко-литературных работах Г. эпоха дана в беглых набросках. Не история быта, а лишь мелькающие его фрагменты, дающие читателю ощущение реального. «Этот прием, – как считает Гроссман, – развертывания внутренней драмы на фоне живой и конкретной действительности встречается и в историко-литературных трудах Гершензона». Как немногие он обладал даром делать волнующими идеи, драматизировать абстракции и этим захватывать своего читателя. Его задачей было «развернуть “картину эпохи в смене личных переживаний” – вот какие задания он постоянно ставил перед собой. И для их разрешения аналитику-исследователю должен был сопутствовать поэт-созерцатель, не собирающий только, но и творчески претворяющий объекты своих наблюдений». Следует сказать и о том, что Г. постоянно занимали вопр. словесной культуры и что филология тесно соприкасалась у него с философией и этикой. В заключение своего выступления Гроссман сказал: «Прекрасное искусство историка развернуло перед нами тот подлинный мир, который был знаком нам в бессмертных отражениях Пушкина, Грибоедова, Гоголя, Тургенева, Льва Толстого... Книги Гершензона связаны какими-то неразрывными нитями с бессмертными страницами русского классического романа. Вот почему... в них так просторно и свежо, столько воздуха и так свободно дышится. В известном смысле они соседствуют с “Дворянским гнездом” и “Войной и миром”, с “Горе от ума” и “Пиковой дамой”. Не только в научной традиции, но и в читательском представлении они уже стоят рядом... история русской литературы сохранит навсегда эти глубоко своеобразные, пленительно-одухотворенные и пластически-прекрасные творения, а вместе с ними будет жить и память о создавшем их замечательном художнике русского слова».

Отдельно стоит выделить пушкинскую тему в творческой биогр. Г. Его первая публ. состоялась в 1904 г. – «Друг Пушкина Нащокин» («Рус. мысль». № 4); до конца жизни Г. опубликовал более 20 работ (кн. и статей) о Пушкине, главной из к-рых стала «Мудрость

Пушкина» (1919). Об этом подробно и обстоятельно с тонким чувством проникновения в методику и стиль рассказано в статье Н.В. Измайлова «М.О. Гершензон как исследователь Пушкина», предваряющей «Библиографию» Г., сост. Я.З. Берманом и опубл. под грифом «Тр. Пушкинского Дома АН СССР. Вып. ЛП» в Одессе (1928). Приведем тезисно ее основные положения.

1. «...Он был историк, филолог, а более всего – психолог и философ, пылливо углублявшийся в изучение внутренних, психологических мотивов культурно-исторических и литературных процессов, внутренней жизни, исканий и борьбы их индивидуальных носителей, и подчинявший свои частные разыскания общим философским концепциям.

В работах своих над Пушкиным Гершензон прошел через несколько фазисов – сообразно общему ходу своего развития.

Он начал как мастер психологического портрета, тесно связанного с бытовым и документальным материалом. Такова его первая статья – “Друг Пушкина – Нащокин” (1904)».

2. «Тому же жанру психолого-бытового и биографического исследования принадлежат несколько других, дальнейших статей: и “Северная любовь Пушкина” (1907), основанная в своей биографической части на материалах семейного архива М.Ф. Орлова, биографией которого Гершензон тоже занимался... и наконец, гораздо более поздняя статья – “Пушкин и Чаадаев” (1915), написанная для венгерского издания Пушкина, как этюд... вся статья – по существу, комментарий, обрамляющий философский центр отношений поэта и мыслителя... комментарий такой проникновенный, такой глубоко созвучный обоим изображаемым лицам, такой яркий и красочный, – что он совершенно особым светом озаряет сложную проблему долголетней дружбы двух близких по духу и диаметрально-противоположных по натуре людей...»

3. «Но одним психологическим портретом не мог ограничивать Гершензон своих пушкинских изучений. Иной вопрос всегда занимал его – отношение биографии поэта к его творчеству, т.е. психология творческого процесса... Основным же положением, аксиомой, из которой здесь исходил исследователь, было утверждение, что “Пушкин необыкновенно правдив, в самом элементарном смысле этого слова... надо только пристально читать эти стихи и верить Пушкину”. На этом общем тезисе покоится и основной прием исследования... прием “медленного чтения”, т.е. вчитывания в каждую строку и в каждое слово пушкинского текста».

4. «Психологии творчества Пушкина посвятил Гершензон ряд специальных статей, начиная с этюда о “Пиковой даме” (1910). Всюду задачей исследования является – конструирование творческой личности поэта, выразившейся в творческом акте и проецированной на поэтическое произведение. Отсюда – неизбежный психологизм в подходе к вопросам творчества, насквозь проникающий работы Гершензона. Как раскрытие психологии творческого процесса задуманы почти все его этюды об отдельных произведениях Пушкина: о “Пиковой даме”, “Метели”, “Станционном смотрителе”, “Домике в Коломне”, “Моцарте и Сальери”, “Графе Нулине”, “Памятнике”».

5. «...Но, как ни субъективны основные положения Гершензона... неизменно в его исследованиях пленяет нас тонкий мастерской анализ деталей пушкинских замыслов... символичность замыслов Пушкина и их соответствие внутренним, глубоко-интимным состояниям сознания поэта – вот что стремится раскрыть Гершензон».

6. «Поэтическое слово, по мнению Гершензона, является у Пушкина терминологическим носителем внутреннего смысла (или многих смыслов), совершенно независимо от своего исторически-нейтрализованного, коммуникативного или образного значения... Это относится особенно к работам Гершензона “Явь и сон” и “Тень Пушкина”. Гершензона занимают не вопросы стиля и словоупотребления: в глубине творчества Пушкина он ищет его общей теоретической системы... системы пушкинской философии».

7. «Основные положения описываемой системы стали складываться постепенно и издавна. Общие контуры ее намечены уже в этюде “Умиление” (Пушкин и Лермонтов, 1914). Здесь говорится о встрече в поэзии Пушкина двух мировых начал – греха и совершенства, греха – в деятельности и неполноте, совершенства – в полноте и неподвижности; теория дуалистической концепции мира у Пушкина послужила основой всего дальнейшего учения о “мудрости Пушкина”».

8. «Что же остается нам от рассмотренных трудов Гершензона? Ответ ясен: остается его тонкое литературное чутье, его проникновенный анализ художественных явлений, его глубокое знание Пушкина и пламенная любовь к нему... Весь Пушкин в основных моментах творческой жизни проходит перед нами в его статьях».

Характеристика личности и творческой природы Г. наиболее глубоко и тонко изложена в мемуарных очерках о нем его современников и близких друзей Андрея Белого и Владислава Ходасевича. Белый познакомился с Г. в ноябре 1907 г. Он посвятил ему очерк, к-рый вошел в мемуарную кн. «Между двух революций» (1934):

«Встречи с М.О. Гершензоном начались с ноября 1907 года; его как литературоведа я очень читал; но его я боялся... и думал: у этого почтенного деятеля темперамент воистину негрский, а притворность мальчишеская». И еще: «...он владел даром очерка, соединяющего науку с искусством; в научном разрезе книги его являли сложение типичных фактов; с невероятным усилием, как крот, вырывал он из архивной пыли ворохи деталей, таская их к себе в Никольский из книгохранилищ... в разрезе художественном выбор фактов в им строимых очерках изыском стиля напоминали полотна художника Сомова, Бенуа; стоило перевести данные очерки в зрительное восприятие, – вставали полотна, которые были бы лучшими украшениями выставок “Мира искусства”; таковы – исследования о Печерине, братьях Кривцовых; такова “Грибоедовская Москва”... беседа с М.О. меняла ландшафт, перестраивая в воображении вашем всю обстановку: комнатка становилась горной пещерой; М.О. Гершензон, заседающий в старом, сереньком пиджачке, такой маленький, такой черный, очкастый, набивал себе и вам папироску и проборматывал свои мнения, напоминавшие заклинания, в результате которых все мертвое и скучное вдруг становилось живым и процветшим; он казался мне в эти минуты каким-то гением стихий, оплодотворявшим Москву умственную жизнью...»

В.Ф. Ходасевич свой мемуарный очерк «Гершензон», впоследствии вошедший в кн. «Некрополь», впервые опубликовал в ж-ле «Современные записки» (кн. XXIV. Париж, 1925). Вот как описывает он свою первую встречу с Г. летом 1915 г.: «Маленький, часто откидывающий голову назад, густобровый с черной бородкой, поседевшей сильно в последние годы; с такими же усами, нависающими на пухлый рот; с глазами слегка на выкате... наружностью был он типичный еврей. Много жестикулировал. Говорил быстро, почти всегда возбужденно. Речь, очень ясная по существу, казалась косноязычной... Это происходило от глухого голоса, от плохой дикции и от очень странного акцента, в котором резко-еврейские интонации кишиневского уроженца сочетались с неизвестно откуда взявшимся оканьем заправского волгара». По мнению Ходасевича, обильные житейские тревоги и неурядицы, постоянно сопутствовавшие Г., он умел не допускать до ума и сердца: «Они его не ожесточали, не омрачали, не мучили прекрасной чистоты его духа... И вот, голодая, простаивая на морозе в очередях, коля дрова и таская их по лестнице, – не притворялся он, будто все это ему нипочем, но и не разыгрывал мученика: был прост, серьезен, но –

ясен. Скинет вязанку с плеч, отряхнется, отдышится, а потом вдруг – так весело поглядит – и сразу заговорит о важном, нужном, большом, что надумал, тащась куда-нибудь в Кремль, хлопотать за арестованного писателя». В своем очерке Ходасевич дает емкий разбор творческого метода Г.: «В свои историко-литературные исследования вводил он не только творческое, но даже интуитивное начало. Изучение фактов, мне кажется, представлялось ему более средством для *проверки догадок*, нежели добыванием материала для выводов. Нередко это вело его к ошибкам. Его “Мудрость Пушкина” оказалась в известной мере “мудростью Гершензона”. Но – во-первых, это все-таки “мудрость”, а во-вторых – то, что Гершензон угадал верно, могло быть угадано только им и только его путем. В некотором смысле ошибки Гершензона ценнее и глубже многих правд, извлекаемых добросовестными бездарностями». Сам Г. хотел, чтобы его называли историком, а не критиком. По мнению же М.М. Пришвина (к-рого с Г. связывали длительные дружеские отношения), Г. был «подлинно чистым святым подвижником русской культуры» (см. «Дневник» за 1936 г.).

Издания. Избранное. М. – Иерусалим, 2000. Т. 1 – 4 (2-е изд. 1 т. – М., 2007); «Афинская полития» Аристотеля и «Жизнеописания» Плутарха. М., 1895; История молодой России. М., 1908 (2-е изд. – М. – Пг., 1923); Вехи. Сб. статей о русской интеллигенции. М., 1909 (за 1909 – 1910 гг. кн. выдержала 5 изд.; Г. написаны «Предисловие» и глава «Творческое самосознание»); Исторические записки. М., 1910 (2-е изд. – Берлин, 1923); Образы прошлого: А.С. Пушкин, И.С. Тургенев, П.В. Киреевский, А.И. Герцен, Н.П. Огарев. М., 1912; Грибоедовская Москва. М., 1914 (доп. изд. – М., 1916; 2-е изд. – М. – Берлин, 1922); Тройственный образ совершенства. М., 1918; Мечта и мысль И.С. Тургенева. М., 1919; Видение поэта. М., 1919; Гольфстрем. М., 1922; Ключ веры. Пг., 1922. *Редактирование, составление и подготовка к печати:* Эпоха Николая I. СПб., 1910; Полное собрание сочинений И.В. Киреевского. В 2 т. М., 1911; Сочинения и письма П.Я. Чаадаева. Т. 1 – 2. М., 1913 – 1914; Русские Пропилеи. Материалы по истории русской мысли и литературы. Т. 1 – 4, 6. М., 1915 – 1919; Новые Пропилеи. Т. 1. М. – Пг., 1923.

Статьи. Искусство в школе // Вестн. воспитания. 1899. № 2; Н.В. Станкевич (1813 – 1840) // Новый путь. 1904. № 11; Молодость Чаадаева // Науч. слово. 1906. № 6; Пушкин и гр. Е.К. Воронцова (1824) // Вестн. Европы. 1909. № 2; Завещание Гоголя // Рус. мысль.

1909. № 12; О достижениях и заслугах новейшей русской литературы // Биржевые ведомости. 1916. № 15585. 28 мая; Тень Пушкина // Искусство. 1923. Кн. 1; Пушкин и Батюшков // Атений. Кн. 1 – 2. 1924. **Письма, дневники, мемуары.** Вячеслав Иванов и М.О. Гершензон. Переписка из двух углов. Пг., 1921 (2-е изд. – М. – Берлин, 1922); Письма к брату. Избранные места. М., 1927; Переписка В.В. Розанова и М.О. Гершензона 1909 – 1918 // Новый мир. 1991. № 3; Письма к Льву Шестову (1920 – 1925) // Минувшее: Ист. альм. Вып. 6. М., 1992; Переписка В.Ф. Ходасевича и М.О. Гершензона // De visu. 1993. № 5; Из переписки М.О. Гершензона с Жилкиными // Вестн. Еврейского ун-та в Москве. 1995. № 3 (10); Переписка М.О. Гершензона с И.В. и З.А. Жилкиными за март – сентябрь 1917 г.; Переписка Б.Л. Модзалевского с М.О. Гершензоном (1907 – 1925) // Ежегодник рукописного отдела Пушкинского дома на 1996 г. Борис Львович Модзалевский. Материалы к биогр. СПб., 2001; «...Цельный и настоящий...» Из переписки и дневников М.О. Гершензона // Вопр. лит.-ры. 2009. № 3.

Архивы. НИОР РГБ (ф. 746, 386); ИМЛИ (ф. 201); РГАЛИ (ф. 130, 300, 1386 и др.); ИРЛИ (ф. 183, 387, 627 и др.); Архив РАН (ф. 1830); ОРФ ГЛМ (ф. 2, 6, 254); ГАРФ (ф. А – 2306, А – 2307).

Литература. Еврейская Энциклопедия СПб., 1911. Т. 6; Новый энциклопедический словарь. СПб., 1913; Литературная энциклопедия. Т. 2. М., 1929; Краткая литературная энциклопедия. Т. 2. М., 1964; Русские писатели. 1800 – 1917: Биографический словарь. Т. 1. М., 1989; Розанов В. Левитан и Гершензон // Рус. библиофил. 1916. № 1; Гроссман Л. М.О. Гершензон // Искусство трудящимся. 1925. № 14; Лидин Вл. Михаил Осипович Гершензон // Россия. 1925. № 5; Володина Т.А. Общественно-политические взгляды М.О. Гершензона // История и историки. М., 1995; Макагонова Т.М. Дни и труды М.О. Гершензона (По материалам архива) // Рос. гос. б-ка. Записки отдела рукописей. Вып. 50. М., 1995; Проскурина В. Пушкинский миф М.О. Гершензона // Новое лит. обозрение. 1996. № 20; Проскурина В. Течение Гольфстрема: Михаил Гершензон, его жизнь и миф. СПб., 1998; Гершензон-Чегодаева Н.М. Первые шаги жизненного пути. Воспоминания дочери Михаила Гершензона. М., 2000; Литвин Е.Ю. Чистота правды. М.О. Гершензон. 1917 – 1925. Опыт литературно-публицистической хроники // Михаил Гершензон. Ключ веры, Гольфстрем, Мудрость Пушкина. М., 2001.

Литвин Елена Юрьевна

ПАМЯТКА АВТОРУ СЛОВАРНОЙ СТАТЬИ

- 1) Объем словарных статей (в зависимости от персоналии) может варьироваться от 500 до 30 000 знаков.
- 2) Структура и содержание статьи.
  - Фамилия, имя, отчество, псевдоним (указать варианты – если есть).
  - Даты рождения и смерти (число, месяц, год). До 20 февраля 1918 года – даются по старому и новому стилю. Следует помнить, что перевод со старого стиля на новый совершается прибавлением к дате старого стиля 12 дней для XIX века и 13 дней для XX века. События, происходившие в Западной Европе и Америке, а также в России после 20 февраля 1918 года, датируются по новому стилю. Все остальные даты следует приводить только по старому стилю.
  - Места рождения и смерти (по наименованию времени рождения и смерти).
  - Дефиниция при имени – основные сферы деятельности.
  - Образование, ученая степень, звание (если есть).
  - Основные места работы (с указанием годов).
  - С какого года и где начал печататься в области литературоведения.
  - Основной круг литературоведческих интересов (тематика, проблематика), деятельность в других областях науки и искусства.
  - Аналитический обзор литературоведческих трудов (основная часть словарной статьи). Деятельность литературоведа должна быть объяснена в системе трех “координат”: предметно-логической, социально-исторической, личностно-психологической (с акцентом на мировоззренческих установках)³⁸. Если статья

---

³⁸ Подробнее см. в статье А.А. Холикова из этого проспекта.

посвящена литератору (критику или писателю), то основной акцент делается на собственно литературоведческих (а не публицистических, философских или художественных) трудах.

- Библиография авторских литературоведческих книг (с указанием соавторов): полное название, место издания, год издания. Отмечаются также годы и места переиздания книг. При необходимости указываются рецензии. Библиография авторских литературоведческих книг в тексте и под текстом рассматривается как взаимодополняющая (в основном тексте указываются, как правило, прижизненные издания). В этом же разделе перечисляются отредактированные, составленные и подготовленные литературоведом к печати издания.
- Библиография наиболее важных авторских литературоведческих статей (с указанием соавторов): полное название, периодическое издание, год издания, номер (выпуск, том). Библиография наиболее важных авторских литературоведческих статей в тексте и под текстом рассматривается как взаимодополняющая (в основном тексте указываются, как правило, прижизненные публикации). В этом же разделе перечисляются материалы, подготовленные литературоведом к публикации (например, переписка писателей).
- Письма (опубликованное эпистолярное наследие), дневники, мемуары.
- Архивы (личные фонды и другие значимые архивные источники).
- Библиография наиболее важных работ о литературоведении.
- Фамилия, имя, отчество автора статьи (полностью, с указанием соавторов).

3) Правила оформления словарной статьи.

Тексты предоставляются в электронном виде. Формат MS Word*.doc. Шрифт – Times New Roman, кегль – 12, интервал – 1,5, все поля – 2 см, выравнивание по ширине. Название файла – Ф.И.О. литературоведа, о котором написана статья, латинскими буквами без пробелов (например, VakhtinMM.doc).

Статья должна начинаться с фамилии литературоведа, написанной прописными буквами и выделенной полужирным шрифтом (имя и отчество не выделяются).

Варианты Ф.И.О., а также псевдонимы указываются в полукруглых скобках.

Даты и места рождения и смерти указываются в квадратных скобках.

Перед дефиницией (основными сферами деятельности) ставится запятая.

Упомянутые в статье литературоведческие термины и понятия выделяются курсивом и полужирным шрифтом (одни и те же термины и понятия не выделяются в рамках статьи дважды).

Перед библиографией авторских литературоведческих книг под текстом статьи указывается заголовок **Издания**. Названия не нумеруются и следуют после заголовка подряд через точку с запятой от ранних к поздним (по дате выхода). Издания на иностранных языках помещаются в самом конце по тому же хронологическому принципу.

Перед библиографией наиболее важных авторских литературоведческих статей указывается заголовок **Статьи**. Названия не нумеруются и следуют после заголовка подряд через точку с запятой от ранних к поздним (по дате публикации). Статьи на иностранных языках помещаются в самом конце по тому же хронологическому принципу.

Перед опубликованным эпистолярным наследием, дневниками и мемуарами литературоведа указывается заголовок **Письма, дневники, мемуары**. Названия не нумеруются и следуют после заголовка подряд через точку с запятой от ранних к поздним (по дате публикации).

Перед архивными источниками указывается заголовок **Архивы**. Названия не нумеруются и следуют после заголовка подряд через точку с запятой.

Перед библиографией наиболее важных работ о литературоведении (в том числе мемуарного характера) указывается заголовок **Литература**. Названия не нумеруются и следуют после заголовка подряд через точку с запятой от ранних к поздним (по дате публикации). В первую очередь называются словари и энциклопедии (ЛЭ, КЛЭ и др.). Материалы на иностранных языках помещаются в самом конце по тому же хронологическому принципу.

Тот или иной раздел библиографической части может отсутствовать, если он не обеспечен материалом.

Фамилия, имя, отчество автора(-ов) статьи указываются в самом конце отдельной строкой полностью и выделяются при этом курсивом.

4) Список основных допустимых сокращений³⁹:

авг. – август	нач. – начало (при цифрах)
автореф. – автореферат	нояб. – ноябрь
акад. – академик (при фамилиях или названиях учреждений), академия, академический	обл. – область, областной (при географических названиях)
АН – Академия наук (при названиях государств)	окт. – октябрь
альм. – альманах	опубл. – опубликован, опубликованный
антич. – античный	отв. – ответственный
апр. – апрель	отд-ние – отделение
библиогр. – библиография, библиографический	пед. – педагогический
б-ка – библиотека	пер. – перевод
биогр. – биография, биографический	переизд. – переиздание, переизданный, переиздан
введ. – введение	перераб. – переработка,

³⁹ Сокращения слов в приводимых цитатах и названиях книг или статей в основном тексте не допускаются (исключения составляют названия периодических изданий).

	переработанный, переработан
в. – век (при цифрах)	печ. – печатный
вв. – века (при цифрах)	полн. – полный
вестн. – вестник	попул. – популярный
вопр. – вопросы	пос. – поселок
вступ. – вступление, вступительный	послесл. – послесловие
вып. – выпуск	предисл. – предисловие
высш. – высший	прил. – приложение
газ. – газета	примеч. – примечание
гл. – глава (при цифрах)	проф. – профессор (при фамилиях или названиях учреждений)
г. – год (при цифрах), город (при названиях)	пр. – прочее
гг. – годы (при цифрах)	псевд. – псевдоним
гор. – городской	публ. – публикация
гос. – государственный	р-н – район
губ. – губерния, губернский	ред. – редактор, редакция
дек. – декабрь	респ. – республика
д. – деревня	реф. – реферат
дис. – диссертация	рец. – рецензия
д-р – доктор	рос. – российский
доп. – дополнение, дополнительный, дополненный	рус. – русский
доц. – доцент (при фамилиях или названиях учреждений)	с.-петерб. – Санкт-Петербургский
др. – другой	сб. – сборник
ежедн. – ежедневный	с. – село
ж-л – журнал	сент. – сентябрь
журн. – журнальный	сер. – серия
зав. – заведующий (при названиях учреждений или подразделений)	см. – смотри
загл. – заглавие	собр. – собрание
зам. – заместитель	сост. – составитель, составленный, составлен, составление
изв. – известия	соч. – сочинение
изд. – издание	с. – страница (при цифрах)
изд-во – издательство	табл. – таблица
изм. – изменение, измененный	т.к. – так как
ил. – иллюстрация	т.о. – таким образом
им. – имени	тез. – тезисы
ин-т – институт	тип. – типография

испр. – исправление, исправленный	т.е. – то есть
ист. – исторический	т. – том (при цифрах)
канд. – кандидат, кандидатский	тр. – труды
каф. – кафедра	у. – уезд
кн. – книга	указ. – указатель
коммент. – комментарий	ун-т – университет
конф. – конференция	унив. – университетский
к-рый – который	урожд. – урожденный
лаб. – лаборатория	фак. – факультет
лит-ра – литература	фам. – фамилия
лит. – литературный	февр. – февраль
лит-вед – литературовед	филол. – филологический
лит-ведение – литературоведение	филос. – философский
лит-вед. – литературоведческий	ф. – фонд (при цифрах)
м-во – министерство	шк. – школа
моногр. – монография	экз. – экземпляр
напр. – например	яз. – язык
науч. – научный	январь
нац. – национальный	

Все критические замечания, уточнения и пожелания можно отправлять по электронному адресу: alexey_kholikov@mail.ru.

Издательство «Перо» предлагает:

- ✓ Издание книг, монографий, брошюр, научных трудов
от 1 экз. от 3 дней
присвоение ISBN номера и выходных данных издательства
- ✓ Срочные публикации научных статей
- ✓ Так же Вы можете опубликовать свои произведения в нашем литературном журнале «Современная литература России»
- ✓ Оказываем помощь в реализации

**г. Москва, 109052, Нижегородская ул., д. 29-33,
стр. 15, офис 536**

Клинг Олег Алексеевич
Холиков Алексей Александрович

**РУССКИЕ ЛИТЕРАТУРОВЕДЫ XX ВЕКА:
ПРОСПЕКТ СЛОВАРЯ**

Издательство «Перо»
109052, Москва, Нижегородская ул., д. 29-33, стр. 15, ком. 536
Тел.: (495) 973-72-28, 665-34-36
Подписано в печать _____. Формат 60×90/16.
Бумага офсетная. Усл. печ. л. _____. Тираж _____ экз. Заказ _____.
Отпечатано в ООО «Издательство «Перо»